

С. Карлинский

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

/пер. с англ. Е.Янушевича/

главы из книги

Печатается с незначительными сокращениями, обозначенными
отточием. Цитаты из прозаических произведений М. Цветае-
вой в большинстве случаев являются обратным переводом.

II. ПОСЛЕ РОССИИ

Первой остановкой Цветаевой после отъезда из России стал Берлин. Из-за странных дипломатических и экономических отношений между Веймарской республикой и новым Советским государством (тогда входившим в период ИЭПа) столица Германии стала центром русской литературы. В Берлине размещалось большое число русских издательств, и значительная часть их продукции поступала в Советский Союз. Цветаева почувствовала себя в благоприятной обстановке. Эмигрантская литература еще не стала чем-то резко отличным от советской литературы. Литературные кафе и издательства Берлина являлись местом встреч для писателей, кто примирился с Советской властью, для тех, кто находился в оппозиции, и для тех, кто еще колебался. Из последних, самыми интересными и деятельными был Илья Эренбург. Литературные журналы, выходившие за границей, читали в Советском Союзе, а книги писателей-эмигрантов (...) обсуждались в советской прессе. Все эти факторы способствовали тому, что в первые годы эмиграции Цветаевой ее литературная репутация в России укреплялась.

Когда она покинула Москву, ее имя было известно только поэтам и небольшой части читающей публики, которая следила за литературными альманахами или посещала поэтические вечера. Последний сборник Цветаевой был издан в 1913 году. В 1922 году, в Москве и Берлине опубликовали сборник стихов 1916 года "Версты 1" и поэму "Царь-девица". Московское частное издательство выпустило ее короткую пьесу в стихах "Конец Казановы". В Берлине появились две тонкие книжечки; в одной были стихи к Блоку, перепечатанные, главным образом, из "Верст 1", а в другой, называвшейся "Разлука", содержалась часть стихов будущего сборника "Ремесло" и поэма "На красном коне". Один из самых

уважаемых дореволюционных русских журналов "Русская мысль", который П.И.Струве издавал теперь в Праге и Берлине, напечатал подборку стихов Цветаевой из "Лебединого стана". Другой влиятельный эмигрантский журнал "Современные записки", основанный в 1920 году в Париже, опубликовал стихи Цветаевой в своем первом номере. Этому, очевидно, способствовал Константин Бальмонт, который сразу же по выезде из России стал постоянным сотрудником журнала. Через год (т.е. все еще до прибытия Цветаевой в Берлин) "Современные записки" напечатали другую, более обширную подборку ее стихов, сопровождавшуюся статьей Бальмонта, в которой тот утверждал за Цветаевой место самой значительной русской поэтессы, равной Анне Ахматовой. Наконец, Вилья Эренбург включил Цветаеву в две популярные поэтические антологии, одна из которых называлась "Поэзия революционной Москвы".^{1/} Менее чем через год после отъезда Цветаевой, многие считали ее одним из самых оригинальных и сильных послереволюционных поэтов. Сборник "Версты 1" (которому ко времени выхода в свет было уже шесть лет) такие пронзительные поэты, как Аделаида Герцык и Борис Пастернак, восприняли как откровение. Тоненькая книжка "Разлука" произвела столь сильное впечатление на Андрея Белого, что у него выработался новый стихотворный стиль, который он утвердил в своем сборнике, названном "После разлуки". Этот сборник завершался стихотворением "Марине Цветаевой", воспевающим ее "непобедимые рифмы".^{2/} Даже те критики, которые ранее были настроены враждебно, теперь заговорили о ней с уважением. Только Валерий Брюсов в своем отзыве на "Версты 1" и "Стихи к Влеку" упорно отказывался признать оригинальность цветаевского стиха. О том, насколько выросла известность Цветаевой после 1922 года, свидетельствует тот факт, что один из руководителей советского государства Лев Троцкий в своей книге о современной русской литературе, говоря о поэтессах некоммунистического направления, неоднократно называл Цветаеву сразу же

уважаемых дореволюционных русских журналов "Русская мысль", который Н.И. Струве издавал теперь в Праге и Берлине, напечатал подборку стихов Цветаевой из "Лебединого стана". Другой влиятельный эмигрантский журнал "Современные записки", основанный в 1920 году в Париже, опубликовал стихи Цветаевой в своем первом номере. Этому, очевидно, способствовал Константин Бальмонт, который сразу же по выезде из России стал постоянным сотрудником журнала. Через год (т.е. все еще до прибытия Цветаевой в Берлин) "Современные записки" напечатали другую, более обширную подборку ее стихов, сопровождавшуюся статьей Бальмонта, в которой тот утверждал за Цветаевой место самой значительной русской поэтессы, равной Анне Ахматовой. Наконец, Илья Эренбург включил Цветаеву в две популярные поэтические антологии, одна из которых называлась "Поэзия революционной Москвы". 1/ Менее чем через год после отъезда Цветаевой, многие считали ее одним из самых оригинальных и сильных послереволюционных поэтов. Сборник "Версты 1" (которому ко времени выхода в свет было уже шесть лет) такие пронзительные поэты, как Аделаида Герцык и Борис Пастернак, восприняли как откровение. Тоненькая книжка "Разлука" произвела столь сильное впечатление на Андрея Белого, что у него выработался новый стихотворный стиль, который он утвердил в своем сборнике, названном "После разлуки". Этот сборник завершался стихотворением "Марине Цветаевой", воспевающим ее "непобедимые рифмы". 2/ Даже те критики, которые ранее были настроены враждебно, теперь заговорили о ней с уважением. Только Валерий Брюсов в своем отзыве на "Версты 1" и "Стихи к Блоку" упорно отказывался признать оригинальность цветаевского стиха. О том, насколько выросла известность Цветаевой после 1922 года, свидетельствует тот факт, что один из руководителей советского государства Лев Троцкий в своей книге о современной русской литературе, говоря о поэтессах некоммунистического направления, неоднократно называл Цветаеву сразу же

вслед за Анной Ахматовой. 3/

В частной и литературной жизни Цветаевой отъезд из России ознаменовал начало определенного подъема. В Берлине она поселилась в Прагском пансионе — все издательства, с которыми сотрудничали русские литераторы, находились вблизи Прагерплац. Ее самыми близкими друзьями в это время стали Илья Эренбург с женой. Как издатель и литературный критик, Эренбург много сделал для укрепления литературного имени Цветаевой; однако их дружба оказалась недолговечной. (...) Эренбург, который к этому времени начал оправдывать многое из того, что прежде осуждал в послеоктябрьских стихах, видел в Цветаевой романтическую идеалистку, неспособную трезво взглянуть на вещи. Известно, что он использовал Цветаеву как прототип главной героини своего романа "Жизнь и гибель Николая Курбова". 4/ Сопоставляя наивную, растерявшуюся контрреволюционерку Катю из романа Эренбурга с сильной, ни на кого не похожей Цветаевой, какой она предстает в письмах того времени, можно сделать вывод о том, что между двумя писателями отсутствовало взаимопонимание, и что последовавшее размежевание было неизбежно. 5/

За рабочим столом Эренбурга в Прагердике Цветаева была свидетельницей и участницей того, что позже она называла "общим обменом гонорарами и рукописями". Она часто встречалась с двумя самыми активными издателями этого периода — Соломоном Кацлуном и А.Г.Винником. Последний, узнав о существовании дневников, которые Цветаева вела в Москве, предложил напечатать их в виде книги воспоминаний. Цветаева поддерживала такие хорошие отношения с другими русскими, покинувшими Москву примерно в то же время, что и она: художником Н.Д.Синезубовым, оригинальным и значительным прозаиком Алексеем Ремизовым 6/, его женой, и другими. В берлинский период она находилась в тесном контакте с двумя выдающимися русскими писателями — Андреем Белым (лично) и Борисом Пастернаком (через его творчество).

Поэт-символист А. Белый, один из самых крупных русских романистов XX века, по разным поводам встречавшийся с Цветаевой в Москве между 1910 и 1922 годом, вступил теперь в особо трудную полосу своей жизни. Покинутый женой, которая ушла к другому, разочаровавшийся в учении Рудольфа Штейнера (Белый посвятил немало времени и творческой энергии изучению антропософии), одолеваемый сомнениями относительно возвращения в Россию, он неожиданно обратился за сочувствием к Цветаевой. ("Вы- дочь профессора Цветаева. Я- сын профессора Бугаева"). Их берлинскую дружбу Цветаева описала в "Пленном духе". Именно Белый, прочитав "Разлуку", содействовал изданию "Царь-девицы" и "Зерст 1".

С В. Пастернаком Цветаева встречалась до отъезда из Москвы, слышала, как он читает свои стихи. Тогда она не оценила его поэзию в полной мере, но, в Берлине прочла его сборник "Сестра моя- жизнь", который ее потряс. В это же время в Москве Пастернак читал "Зерсты 1" и отыскивал для себя Цветаеву. Их переписка, которую начал Пастернак, послужила для Цветаевой источником вдохновения. Ее письма к Пастернаку утрачены, но поскольку она мало знала его лично, можно предположить, что их дружба развивалась главным образом на литературной основе. "Еще одно: я ничего не знаю о П., а хотела бы узнать многое. Мы переписываемся наугад! Я всегда боялась чужого быта, потому что, как правило, он меня угнетает. Я хотела бы знать, какова жена Пастернака... что он делал в Берлине, почему уезжает, кто его друзья." (Письма к Гулю).

То восторженное впечатление, которое произвел на Цветаеву сборник "Сестра моя- жизнь", отразилось в статье "Световой ливень", напечатанной в журнале Андрея Белого "Эпопея". Она написала ее с намерением поведать о Пастернаке западному миру "сейчас, еще до того, как "Анань" выйдет здесь... Я не ради вас; это- чистый эгоизм: это- счастье быть причастной к такому событию"

В мае 1922 года Сергей Эйфрон приехал в Берлин, чтобы после долгого перерыва соединиться наконец со

своей семьей. Через несколько недель они отправились в Чехословакию и поселились в маленькой деревне Горни Мокропсы, недалеко от Праги, где правительство президента Масарика создало университет для русских эмигрантов. Цветаева так описывала Горни Мокропсы в одном из писем к Бахрагу: "Крошечная деревенька на холмах, мы живем на самом краю, в простой крестьянской избе. Главные персонажи нашей жизни: колодезь, к которому я бегу за водой, чаще вечером или рано утром, нес на цепи, скрипучая садовая калитка. Сразу позади — лес. Справа — каменный гребень горы. По всей деревне — ручьи. Две продуктовые лавки, как и в нашей провинции. Католическая церковь с погостом, который весь зарос цветами. Школа. Два ресторана. Каждое воскресенье — музыка. Деревня не сельская, а пансионская... И в каждом доме ночью можно увидеть светящееся окно: русский студент!"

Щедрое чехословацкое правительство не только позволяло Сергею Эфрону учиться в университете, но и назначило Марине небольшое пособие. Семья прожила в Горни Мокропсах немногим более года. Позже Цветаева несколько раз меняла место жительства в Праге, ее окрестностях и в деревеньках неподалеку (Смихов, Дольни Мокропсы, Кловиче). В сентябре 1923 года Алей отправили в русский пансионат в Моравскую Тржебову; Сергей тоже переехал туда. Цветаева сняла в Праге квартиру, в доме на вершине холма (холм "Поэзия горы"). В комнате было большое окно, из которого открывалась обширная панорама города. ^{7/} Расставание с Алей не было столь болезненным, каким могло быть несколько лет назад. Девочка, которая еще недавно казалась не по годам умной и была ближайшим другом матери, вдруг превратилась в заурядного ребенка: "Аля, которая с двух до девяти лет была моим "горным эхом", теперь играет в куклы и ко мне относится с полным равнодушием... О, Бог действительно хочет сделать меня большим поэтом, иначе Он не стал бы лишать меня всего!" ^{8/}

В Праге, как и в Горни Мокропсах, Цветаева совершала прогулки по окрестным холмам, часто проводя целый день

в лесу одна или в компании кого-нибудь из русских студентов. Владимир Набоков в русском варианте своей автобиографии вспоминает, как он сопровождал Цветаеву в одной из таких прогулок.^{9/} Она писала обычно до трех-четырех часов утра. Спала на мешке, набитом сеном, и покрытом привезенным из России куском полосатой материи. У Цветаевой было много знакомых среди видных русских эмигрантов, обосновавшихся в Праге. Когда Андрей Белый собирался в ноябре 1923 года переехать на жительство в Прагу, Цветаева приложила все усилия, чтобы выхлопотать для него у чешского правительства пособие (в последний момент Белый передумал и вернулся в Россию). В число ее друзей пражского периода входили Марк Слоним, литературный редактор журнала "Воля России" (надававшегося в Праге на чешские средства), который много сделал как редактор и критик для того, чтобы открыть эмигрантской общине достоинства стихов Цветаевой, и Анна Тескова, чешская журналистка и переводчица произведений Цветаевой, которой посвящен стихотворный цикл "Деревья".^{10/} Анна Тескова была председателем культурного отдела Пражского чешско-русского общества, где Цветаева иногда выступала на поэтических вечерах. Через Тескову и ее друзей Цветаева познакомилась с некоторыми представителями чешской литературной среды.

В этот же период Цветаева пережила два сильных увлечения. В июне 1923 года она написала жившему в Берлине молодому критику Александру Бахраху письмо, в котором благодарила его за отзыв о поэме "Царь-девица". Это было для нее необычным поступком. Как правило, Цветаева недолюбливала критиков, но тут почувствовала, что Бахрах проник в суть ее поэмы, не остановившись, подобно другим, на комментировании внешних примет ее "стиль русс". Начавшаяся переписка вскоре стала весьма интенсивной. Немногие из тех, кто читал письма Цветаевой к Бахраху, опубликованные в журнале "Мосты" в 1960-1961 гг., догадаются, что Цветаева писала человеку, с которым никогда не встречалась. Она почувствовала в Бахрахе то понимание и отзыв-

чивость, которые никакой другой человек не способен был ей дать: "Я жду от Вас чуда. Чуда доверия, чуда понимания, чуда самоотдачи". Отношения с Бахрахом — пример повторяющейся ситуации в эмоциональной жизни Цветаевой. Творец был настолько силен в ней, что она, развивая и дополняя первоначальное впечатление о каком-нибудь человеке, превращала его в некое поэтическое создание и наделяла чертами этого создания реальный прототип. Подобные переживания вызывали у нее подъем творческой активности, но в личную жизнь приносили только страдания. Цветаева понимала, "что людей пугает та сила чувств, которую они во мне пробуждают". Однако, это не удерживало ее: "всю свою жизнь, до сегодняшнего дня, я всегда откликалась первой, первой предлагала руку (обе руки), не боясь суда... и после, когда они уходили (они всегда уходили), я не только не тянула к ним руки, а даже не обращивалась..." Эти строки из книги "Мой Пушкин", написанной в 1936 году, характеризуют некоторые взаимоотношения в жизни Цветаевой, основанные в значительной мере на игре воображения. Благодаря опубликованным письмам, лучше всего известны ее отношения с Бахрахом и поэтом Штайгером (в 30-х годах). Только один человек отвечал чрезвычайно высоким требованиям, которые Цветаева предъявляла своим друзьям: Райнер Мария Рильке. "Бюллетень болезни", который Цветаева присоединила к одному из писем к Бахраху, раскрывает горькие переживания Цветаевой, осознанной, что Бахраху не нужна ее дружба, и что он совсем не тот человек, за которого она его принимала. Это самые горестные страницы из всех ее опубликованных произведений: "Если ты есть тот, кому я пишу, ты должен же страдать так же, как и я." 12 августа, понедельник: "Боль — больше не событие, а состояние. Я не верю в то, что ты существуешь, ты — моя боль".

В сентябре 1923 года, еще в период переписки с Бахрахом, Цветаева познакомилась с бывшим офицером Белой армии, который жил в Праге. Это была уже не воображаемая дружба, а настоящая любовь, возможно, самая сильная и

безнадежная в жизни Цветаевой. Мемуары Н.В.Венкова и некоторые стихи в сборнике "После России" открывают нам, что Цветаева, которую всю жизнь окружали менее сильные и интересные люди, чем она, увидела в этом мужчине равного себе. Безнадежность, обреченность их отношений звучит в стихотворении "Ночные места", написанном в октябре 1923 года.^{11/} Эта связь длилась до января 1924 года. Между октябрем 1923 года и июнем 1924 года Цветаева стихов не писала, а сосредоточилась на двух лирических поэмах - "Поэме горы" и "Поэме конца", в которых подробно рассказала о своей любовной драме. Обе поэмы описывают разрыв, еще раз подтверждая тот трагический факт, что утраты и разрывы в личной жизни Цветаевой стимулировали ее творческую энергию.

На протяжении всего чешского периода Цветаева писала и публиковалась. В 1923 году издательство А.Г.Вишняка в Берлине выпустило ее сборник "Ремесло". В том же году появилась "Исихия" - подборка романтических стихотворений из двух сборников. Пьесы "Метель", "Фортуна", "Приключение", "Ченики" печатались в русских эмигрантских журналах между 1922 и 1924 годом. После 1922 года Цветаева стала регулярно сотрудничать с парижскими "Современными записками", а после 1924 года - с пражской "Волей России". Ее поэтические и прозаические произведения появлялись также в различных других периодических изданиях и антологиях. В 1924 году отдельным изданием вышла стихотворная сказка "Молодец". Книгу воспоминаний о жизни в Советской России "Земные приметы" А.Г.Вишняк и несколько других берлинских изданий отклонили, как это ни странно, из-за ее активной политической направленности. (...) Отрывки из книги печатались в журналах. Тем временем, советская критика проявила к Цветаевой большой интерес. Прожив два года за границей, она все еще считала возможным опубликовать следующий сборник стихов в Советском Союзе.^{12/} В 1924 году литературный журнал "Русский современник", издававшийся в Москве и Ленинграде под руководством Б.Замiatина и Максима Горького, напечатал два ее новых стихотворения.

Но неприятие советского строя, проявившееся в ее воспоминаниях "Мои службы", (которые опубликовали в 1925 году "Современные записки") (...) ^{14/} закрыло перед Цветаевой возможность печататься в России. После 1925 года рецензии на новые работы Цветаевой появляются в советской прессе все реже, а после 1930 года практически прекращаются. Помимо публикаций в известных эмигрантских журналах Цветаева сотрудничала с такими литературными изданиями, как выходивший в Праге журнал русских студентов "Своими путями", куда она отдала воспоминания о Бальмонте. Ей очень нравилось название этого журнала, и когда парижская ежедневная газета "Возрождение" упрекнула его за независимость политической ориентации, Цветаева выступила в печати, отстаивая право маленького журнала на свою точку зрения, отличную от позиций крупных эмигрантских объединений. ^{15/} Цветаева столь упорно отвергала всякие политические группировки в литературе, что некоторые эмигрантские общества время от времени намекали на ее большевистские симпатии.

Последние полтора года в Чехословакии Цветаева прожила в маленькой деревне Вшенори почти в полном уединении. Здесь 1 февраля 1925 года у нее родился сын. Цветаева хотела назвать его Борисом, "в честь моего любимого современника Бориса Пастернака", но по настоянию Эфраима мальчику дали имя Георгий. К 1925 году русская эмигрантская литература вполне сформировалась; ее новым центром стал Париж. Осенью этого же года Цветаева начала планировать кратковременный переезд в Париж. Окончательно планы сложились в октябре, и переезд предполагался уже на долгие. Последний раз Цветаева выступила перед пражскими слушателями 22 октября 1925 года на собрании чешско-русского общества, с чтением отрывков из очерка "Герой труда", а 31 октября вместе с сыном выехала в Париж. Ее муж, который часть 1925 года провел в туберкулезном санатории, временно остался в Праге. Он прибыл в Париж в начале 1926 года.

Оказавшись в Париже, Цветаева первым делом решила выступить с чтением стихов. Вечер первоначально планировался на январь 1926 года, но был отложен и состоялся в феврале. Помимо Цветаевой на нем выступили певица Кунелли и скрипач А. Могилевский. Русская литературная община в Париже отнеслась к этому событию с большим вниманием. Русские газеты рассказывали о Цветаевой, а объявления о вечере появились почти во всех русских изданиях в течение предшествовавших двух недель.^{16/} Наиболее интересный отчет о вечере приводит берлинская ежедневная газета "Руль":

"Еще недавно причислявшаяся ко второму разряду современных поэтов, Марина Цветаева не только вышла в первый, но несомненно заняла в нем самое видное место. Ко вечеру стал признанием ее быстро возросшей популярности. За четыре года жизни в Париже я еще ни разу не видел, чтобы поэтический вечер собирал такое множество людей. Задолго до начала выступления не только зал и балкон были переполнены, но и проходы оказались настолько забиты, что двигаться было невозможно. Марина Цветаева читала старые стихи из "Лебединого стана"... и свои новые."^{17/} Большой успех рассеял все сомнения Цветаевой относительно того, оставаться ей в Париже или нет. Поменяв несколько временных квартир, она с семьей обосновалась в апреле 1927 года в парижском пригороде Медон, где жили многие русские эмигранты, по адресу: улица Ланни д'Арк, дом 2. Цветаевой нравилось название улицы, но главная причина переезда в пригород была связана с деньгами. Немалую роль сыграло и то, что Цветаева боялась шумного уличного движения: "У меня панический страх перед автомобилями. На уличном перекрестке я - самое жалкое существо, овца, которая оказалась в центре Нью-Йорка."^{18/} Леса вокруг Медона благоприятствовали привычным долгим прогулкам, походам за грибами и ягодами. Соседка Цветаевой по Медону и ее многолетняя приятельница Елена Извольская, часто сопровождавшая ее, составила подробный рассказ о первых годах Цветаевой во Франции. Извольская познакомилась с Цветаевой в Париже,

в доме одного из основателей евразийского движения, к которому в тот период принадлежал Сергей Эфрон. Свое первое впечатление она описала так: "Цветаеву нельзя было назвать ни изящной, ни хорошенькой: она выглядела худой, бледной, почти изможденной, ее лицо было узким, строгим, а короткие волосы уже тронуты сединой. Она казалась не красивой, а иконописной. Однако, несмотря на некоторую жесткость, она быстро прониклась общей атмосферой и подключилась к разговору... Она проявляла участие к людям, искренне хотела общения с ними, но не знала, как этого добиться, может быть, стеснялась..." 20/

Воспоминания Извольской раскрывают нам также трудности, с которыми Цветаева сталкивалась в быту:

"Она трудилась и писала, собирала дрова и добывала пропитание для своей семьи. Она мыла полы, стирала, шила теми пальцами, которые некогда были тонкими, а теперь загрубели от работы. Я хорошо помню эти калты от папирос пальцы: они держали чайник, сковороду, кастрюлю, утюг, вдевали нитку и развязали плиту. Эти же пальцы снимали перо или карандаш над бунагой, на кухонном столе, с которого все быстренько сдвигалось. За этим столом Марина писала - стихи, прозу, наброски поэм; порой она находила два-три слова или какую-нибудь рифму и повторяла их на листе много-много раз... Наблюдая за тем, как она работает, я чувствовала себя натуралистом, который видит, как пробивается стебелек травы, лист, как птица высматривает птенцов, как куколка превращается в бабочку." 21/

Рост Цветаевой как поэта между 1916 годом ("Версты 1") и 1925 годом ("После России", последние хлесткие стихи) казался стремительным для многих ее читателей. Сама Цветаева сравнивала этот процесс с проявлением у реки новых впаучин. Помимо того, что она была по-своему заражена послереволюционными направлениями русского футуризма, она обратилась к лексике народных "плачей" и сказаний, а позднее - к архаизмам русской Библии и русских поэтов XIX века. Эволюция ее творчества в начале 20-х годов обнаруживает много поразительно сходного с основными направлениями в

современной музыке и живописи, особенно с произведениями Игоря Стравинского, который в тот же период использовал сказки Афанасьева ("История солдата"); русские народные записки и другие традиционные народные мотивы ("Свадебка"). Как и Цветаева, Стравинский шел от рококо XVIII века ("Пульчинелла", 1919 год и "Фортуна" Цветаевой, 1918 год) к монументальной греческой трагедии, изложенной языком XVIII века ("Царь Эдип", 1927 год и цветаевские трагедии о Тезее).

"Поэма горы" и "Поэма конца", "Крысолов" вызвали восхищение Бориса Пастернака, который и ранее преклонялся перед поэзией Цветаевой. Он посвятил ей несколько стихотворений 20-х годов и свою знаменитую поэму "Лейтенант Шмидт". Но-видимому, не решаясь открыто посвятить революционную поэму поэту-эмигранту, Пастернак написал посвящение в форме акростиха: первые буквы пятнадцати строк посвящения составляют имя- "Марина Цветаевой". Это зашифрованное посвящение, напечатанное в первом издании "Лейтенанта Шмидта" было позднее снято. Акростих был раскрыт в сборнике стихов Пастернака, выпущенном в 1963 г. ^{22/}

В одном из писем 1927 года к Максиму Горькому Пастернак подчеркивал свое внимание к "огромному таланту Марины Цветаевой и ее несчастной, невыносимо искаженной судьбе". ^{23/} Возможно, желая вызвать сочувствие Горького, известного своим заступничеством за поэтов, Пастернак в том же письме писал: "Роль и положение Марины Цветаевой таковы, что если бы вы спросили меня, что я собираюсь писать и делать, я бы ответил: все, что угодно, лишь бы помочь ей издохнуть и вернуть России эту необыкновенную личность, которая, вероятно, не сумела приспособить талант судьбе или, вернее, наоборот". Горькому не нравилась поэзия Цветаевой (хотя из его отрицательного отзыва, подкрепленного цитатами из "Поэмы конца" и стихов "После России" видно, что он хорошо знал ее творчество). Он не стал заниматься ее судьбой, поскольку более трезво смотрел на

литературные и политические факторы, чем Пастернак. Горький писал: "Цветаевой, конечно, нужно возвращаться в Россию, но это вряд ли возможно". ^{24/} Немедленный ответ Пастернака, за который он позднее извинялся перед Горьким, не включен в опубликованную корреспонденцию, но из сноски к одному письму Пастернака видно, что заступничество за Цветаеву (и ее сестру Анастасию) привело его к временному разрыву с Горьким. ^{25/}

Из писателей старшего поколения не только Максим Горький был критически настроен к поэзии Цветаевой. Если советские критики нападали на нее по политическим причинам, то значительно число эмигрантских критиков и писателей разделяли точку зрения Горького и выступали против Цветаевой по соображениям эстетического и стихистического порядка. Цветаева охарактеризовала это отношение к ней в одном из писем к Мяску 1933 года, которое часто цитируется в советских статьях о ней последнего времени: "В эмиграции меня сначала (сгоряча) печатают, потом, опомнившись, изымают из обращения, почував не свое: тамошнее! Содержание вроде бы наше, а голос — "ихний". ^{26/} "Ихним" в середине 20-х годов части эмигрантской критики казался поэтический голос, в котором было много родственного с поэзией Хлебникова, Маяковского и Пастернака. Многие эмигранты не способны были понять значение и силу этих поэтов. В печати Цветаеву сопоставля с ними Мирский, тогда как большинство эмигрантских критиков, следуя Вальмонту, сравнивало Цветаеву с Анной Ахматовой — механическое сопоставление, ничего не дающее для понимания обеих поэтесс.

В эмигрантской прессе критика Цветаевой велась в различных формах. Одни, как Н.С.Струве, придерживались жестких эстетических норм и не могли понять то новое течение, которое она представляла. ^{27/} Еще более жестким был глава эмигрантских писателей Иван Бунин, критические способности которого не позволяли ему справиться ни с одним литературным явлением, возникшим после символистского периода. ^{28/} Одна из представительниц поколения символистов

Зинаида Гиппиус, чье влияние в парижских литературных кругах было немалым, не видела в поэзии Цветаевой никаких достоинств.^{29/} Молодые акмеисты, вроде Николая Оцупа и Гесоргия Адамовича, восхищавшиеся "Верстами 1" и "Стихами к Блоку", переменяли свое отношение к Цветаевой после выхода сборника "Ремесло". Как обычно бывает с быстрорастущим, оригинальным поэтом, Цветаева теряла часть своих почитателей после каждой новой "малучини реки". Это явление лучше всего отразилось в статье известного эмигрантского писателя и журналиста М.А.Осоргина, посвященной творчеству Цветаевой (1926 год). Осоргин называет Цветаеву "лучшим из современных русских поэтов" и интересно говорит о ее стилистической близости к прозаику Алексею Ремизову. Однако он восхищается только произведениями на темы "восемнадцатого века" ("Фортуна", "Феникс") и некоторыми стихотворениями на "Цикхем". Все последующие стихотворения Осоргин называет бессвязными, а замечательную поэму "Крысолов", которая в это время (январь 1926 года) печаталась по частям в "Воле России" - "весьма музыкальной нелепостью".^{30/}

Впрочем, не все критики были настроены враждебно. Кроме всегда сочувствующего Марка Слонина, Цветаева нашла проникательного и тонкого ценителя в лице князя Дмитрия Святополка-Ирского, который писал по-английски и подписывался "Д.С.Ирский". Исследователь русской литературы, читавший лекции в школе славистов при Лондонском университете и сотрудничавший с русскими, английскими и французскими литературными журналами, Ирский, как и Борис Пастернак, не сразу оценил трудную поэзию Цветаевой. В своей антологической русской поэзии, выпущенную в 1924 году, он Цветаеву не включил, назвав ее в предисловии "талантливой, но безнадежно недисциплинированной москвичкой".^{31/} Однако, познакомившись в 1924 году с поэмой "Молодец", Ирский превратился в восторженного поклонника Цветаевой и ее активного пропагандиста как на русском, так и английском языке.

Он стал другом семьи Цветаевой и, навещал ее всякий раз, оказавшись в Париже. ^{32/} По приглашению Мирского в марте 1926 года Цветаева приезжала на две недели в Лондон, где выступала с чтением стихов. ^{33/}

Одной из причин, обусловивших переезд Цветаевой в Париж из Праги, была писательская и издательская деятельность ее мужа. Несколько статей и рассказов Сергея Эфрона появились в середине 20-х годов в различных журналах (среди них путаная статья "О добровольчестве"). ^{34/} Когда журналисты попросили Цветаеву назвать самые интересные из недавних русских прозаических произведений (и подобный опрос парижские русские газеты проводили обычно в конце каждого года), она назвала произведения Эфрона, а также Ремизова и Пастернака. ^{35/} Эфрон, как и Мирский, принимал активное участие в Евразийском движении; ^{36/} оба они проявляли повышенный интерес к новым явлениям в литературе Советской России. В 1926 году Мирский, Эфрон и принадлежавший к Евразийскому движению критик и музыковед Н.Сувчинский основали литературный журнал. Они назвали его "Версты" (так назывались два сборника Цветаевой), явно предполагая, что поэзия Цветаевой займет в нем видное место. Ее имя стояло на обложке каждого номера рядом с именами двух других постоянных сотрудников, Алексея Ремизова и философа Льва Шестова (псевдоним Л.И.Шварцмана). Помимо произведений этих трех авторов, "Версты" публиковали наиболее интересные произведения советской литературы, критические статьи трех редакторов и известных эмигрантских философов, некоторые евразийские материалы (обзоры географической и этнографической литературы о Средней Азии и Сибири); в приложениях давались некоторые значительные и забытые произведения дореволюционной России. Журнал выходил раз в год; всего вышло три номера с 1927 по 1929 год. Если это и не был самый лучший эмигрантский журнал, то во всяком случае — самый оригинальный и изобретательный из всех русских эмигрантских изданий. Однако, из-за евразийского уклона и перене-

Он стал другом семьи Цветаевой и, навещал ее всякий раз, оказавшись в Париже. ^{32/} По приглашению Мирского в марте 1926 года Цветаева приезжала на две недели в Лондон, где выступала с чтением стихов. ^{33/}

Одной из причин, обусловивших переезд Цветаевой в Париж из Праги, была писательская и издательская деятельность ее мужа. Несколько статей и рассказов Сергея Эфрона появились в середине 20-х годов в различных журналах (среди них путаная статья "О добровольчестве"). ^{34/} Когда журналисты попросили Цветаеву назвать самые интересные из недавних русских прозаических произведений (ж подобные опрос парижские русские газеты проводили обычно в конце каждого года), она назвала произведения Эфрона, а также Ремизова и Пастернака. ^{35/} Эфрон, как и Мирский, принимал активное участие в Евразийском движении; ^{36/} оба они проявляли повышенный интерес к новым явлениям в литературе Советской России. В 1926 году Мирский, Эфрон и принадлежавший к Евразийскому движению критик и музыковед П.Сувчинский основали литературный журнал. Они назвали его "Версты" (так назывались два сборника Цветаевой), явно предполагая, что поэзия Цветаевой займет в нем видное место. Ее имя стояло на обложке каждого номера рядом с именами двух других постоянных сотрудников, Алексея Ремизова и философа Льва Шестова (псевдоним Л.И.Шварцмана). Помимо произведений этих трех авторов, "Версты" публиковали наиболее интересные произведения советской литературы, критические статьи трех редакторов и известных эмигрантских философов, некоторые евразийские материалы (обзоры географической и этнографической литературы о Средней Азии и Сибири); в приложениях издавались некоторые значительные и забытые произведения дореволюционной России. Журнал выходил раз в год; всего вышло три номера с 1927 по 1929 год. Если это и не был самый лучший эмигрантский журнал, то во всяком случае — самый оригинальный и изобретательный из всех русских эмигрантских изданий. Однако, из-за евразийского уклона и перепе-

чаток советских произведений, на "Версты" с яростью обрушились другие эмигрантские издания. В последнем номере "Русской мысли" П.В.Струве назвал "Версты" "отвратной неужностью", а напечатанные в них произведения советских авторов (Пастернака, Есенина, Артема Веселого, Вабеля, Тинянова и др.) - "надавью".^{37/} Владислав Ходасевич напечатал в "Современных записках" статьи с нападениями на издателей "Верст", за которую позднее принес извинения. Весь гнев этих статей был направлен против издательской политики, в них не нашлось места для справедливой оценки появившихся в журнале произведений Цветаевой ("Поэма горы", "Новогоднее", "С моря", трагедия "Тезей"). Многие из писавших о "Верстах" отметили лишь то, что она была в числе главных авторов.^{38/} Заметное исключение составил Бунин, для которого само присутствие на одной странице имен Цветаевой и Местова показалось "глупостью и безответственностью"; его короткий комментарий-каламбур о "Поэме горы" граничит с непристойностью.^{39/} Другим исключением являлась Зинаида Гиппиус, которая, критикуя "Версты" по политическим мотивам, крайне пренебрежительно отзывалась о Цветаевой как о поэте и человеке.^{40/}

Тем не менее Цветаева преувеличивала, когда писала Еваску в уже упоминавшемся письме, что в конце 20-х годов ее "изгнали" из эмигрантской прессы. Несмотря ни на что, ее произведения постоянно публиковались в эти годы в трех ведущих журналах: "Современные записки", "Версты" и "Воля России". Последний напечатал целый ряд поэм Цветаевой, написанных после "Крысолова". Сборник "Ковчег", вышедший в Праге в 1926 году, включил ее "Поэму конца". В том же 1926 году молодой поэт князь Д.А.Шаховский выпустил в Брюсселе два номера чрезвычайно интересного, но недолго просуществовавшего литературного журнала "Благонамеренный", в обоих номерах которого была представлена поэзия и проза Цветаевой. Во втором номере Цветаева напечатала эссе о взаимоотношениях поэта и критики, которое называ-

лась "Поэт о критике". В нем Цветаева не только рассмотрела различные стороны этой проблемы, но и высказала ряд серьезных упреков в адрес наиболее плодовитых русских критиков, как советских, так и эмигрантских. Она считала неправильным оценивать новую поэзию на основе стилей и мерок предшествующих эпох. С этой точки зрения она защищала Есенина и Маяковского от Вукина, Пастернака от Гиппиус (что, по-видимому, не способствовало улучшению ее отношений с обоими коллегами-эмигрантами) и Ремизова от всех эмигрантских критиков. Цветаева обвиняла русскую формальную школу в чрезмерной узости взглядов и равнесла известного тогда мастера импрессионистской критики Айхенвальда (не называя имени, но цитируя отрывки из его статей) за то, что он судит о произведениях, которые не читал или не понимал. Приложением к статье "Поэт о критике" был "Цветник" — подборка отрывков из критических работ Георгия Адамовича (одного из самых известных молодых эмигрантских критиков, сотрудничавшего ранее в "Северных записках"), перемежающаяся убийственными комментариями Цветаевой. Подбор, сопоставление цитат и комментариев продемонстрировали непоследовательность и поверхностность критики Адамовича.

Статья вызвала в литературных кругах много шума. Как и следовало ожидать, Айхенвальд почувствовал себя глубоко уязвленным. В своем ответе уже немолодой критик ^{41/} (который симпатизировал Цветаевой в статьях, написанных под псевдонимом Каменецкий) признавал себя автором приведенных Цветаевой цитат и соглашался со многими положениями статьи. Его ответ производит трогательное впечатление: иронический тон изменяет Айхенвальду, открывая испуг и смущение человека, обнаружившего, что он не в чести у уважаемого им поэта. Статья "Поэт о критике" сделала врагом Цветаевой ранее дружески расположенного к ней Михаила Осоргина, который обрушился на нее в большой статье, напечатанной "Последними новостями" ^{42/}, и в дальнейшем писал о Цветаевой пренебрежительно и злобно. От Адамовича немедленного отклика не последовало, ^{43/} но его реакция

выразилась в многочисленных последующих заявлениях, продолжавшихся по сегодняшний день, и обусловила то неправильное представление о поэзии Цветаевой, которое живо у многих. "Благонамеренный" опубликовал еще одно произведение Цветаевой, имеющее отношение к Георгию Адамовичу — стихотворение "Старинное благоговенье", которое Цветаева представила на организованный журналом "Звено" конкурс. Жюри конкурса, состоявшее из Адамовича, З. Гиппиус и Константина Мочульского, отобрало двадцать стихотворений из двухсот, представленных в "Звено" для публикации, но стихотворения Цветаевой среди них не оказалось.^{44/} В "Благонамеренном" оно было напечатано с примечанием о его конкретной судьбе.^{45/}

Литературные вкусы Цветаевой в период творческой зрелости стали более строгими. Сохраняя в некоторой степени верность романтическим идеалам своей юности, она все больше погружается в классику. Цветаева внимательно перечитывает Гомера, "Нибелунгов", "Песнь о Роланде", "Слово о полку Игореве"^{46/} Шекспира, Расина — все эти авторы оставили свой след в ее произведениях 20-х годов. Она чувствует творческую близость к своим русским современникам, прежде всего к Пастернаку, Мандельштаму и Маяковскому. Ее взаимоотношения с Владиславом Ходасевичем, единственным равным ей среди живших за границей русских поэтов, были сложными — симпатия смешивалась в них с неприязнью. Отношение Ходасевича к ней также было неоднородным,^{47/} и только в последующее десятилетие эти два несхожих поэта, ощущавшие все более глубокую изоляцию в новой литературной среде, нашли общий язык. В поздних произведениях Цветаева часто упоминает Гете, и из одного из писем к Евакку мы узнаем, что Гете был ей ближе, чем Толстой и Достоевский: "Я люблю в этом мире не самое глубокое, а самое возвышенное, потому радость Гете мне дороже, чем русское страдание, и русскому метанию я предпочитаю такое одиночество".^{48/} Цветаева была мало знакома с современными иностранными писателями, ни лично, ни через их произведения.

Двумя исключениями являлись Марсэль Друст, которого она очень любила, и Райнер Мария Рильке. Насколько нам известно, Цветаева никогда не встречалась с Рильке.^{49/} Их переписка началась, по всей видимости, тогда, когда Рильке по просьбе Бориса Пастернака послал Цветаевой свои "Дуинские элегии" и "Сонеты Орфею".^{50/} Цветаева и раньше была поклонницей Рильке, а с ее поэзией Рильке мог познакомиться в издании Эренбургем в 1922 году антологий, которая, как известно, была в его библиотеке. Их переписка не была опубликована, и Цветаева, по-видимому, увезла письма Рильке в Советский Союз. В нашем распоряжении находятся только посвященные ими друг другу стихи; можно отметить влияние Рильке, отразившееся в некоторых теоретических работах Цветаевой о литературе и искусстве. Их переписка началась за год до смерти Рильке. 9 июня 1926 года Рильке послал Цветаевой замечательную "Элегию Марине Цветаевой-Эфрон", а через несколько дней — написанный по-французски сборник стихов "Фруктовые сады" со следующим посвящением:

Нам не известно ни одно стихотворение Цветаевой, обращенное к Рильке, которое было написано при его жизни (хотя есть основания предполагать, что такие стихи были), но когда он умер, она выразила свою горе в двух произведениях: в большом стихотворении "Новогоднее" и в эссе "Твоя смерть". В 1929 году она напечатала в "Воле России" некоторые письма Рильке, которые перевела и снабдила вступительной статьей. Из всех ее размышлений о поэзии Рильке самые глубокие содержатся в статье "Поэт и время", хотя и другие замечания о нем представляют несомненный интерес. Все их недолгие отношения развивались на возни-

пейном, поэтическом уровне, который Цветаева так ценила. Рильке был одним из тех немногих почитаемых Цветаевой людей, которые ее не разочаровали. В 1935 году она писала Евакку, что знает только двух людей, которые равнялись ей по человеческой и творческой силе: Рильке и Пастернака.

Из-за нетерпимости, проявляемой русскими эмигрантскими литературными кругами ко всем, кто был связан с журналом "Версты", общественные контакты Цветаевой и ее мужа ограничивались людьми, сочувствовавшими евразийскому движению. В конце 20-х годов к друзьям Цветаевой принадлежали Мирский, Саломея Гальперн (урожденная княгиня Андроникова, приятельница Ахматовой и Мандельштама, который посвятил ей стихотворение "Соломинка"), Извольская, Сувичинский, его жена Вера и композитор Сергей Прокофьев. Материальное положение семьи Цветаевой, хоть и не достигло еще кризиса 30-х годов, было весьма стесненным. Помимо несчастной редакторской и литературной работы, Сергей Эфрон занимался иногда статистом на кино съемки, и тогда Цветаевой приходилось выпрашивать у своих более состоятельных знакомых одежду, в которой он мог бы появиться на съемочной площадке. С скромное чешское пособие выплачивалось им до 1931 года. Семью сильно поддерживала помощь друзей, Гальперн и Мирского, имевших постоянную работу.

В 1928 году Цветаева выпустила сборник стихов "После России", написанных в Берлине и Праге между 1922 и 1925 годами. Он представлял собой как бы синтез всех ее стилей и являлся самым зрелым и совершенным сборником Цветаевой. Его появление отметили лишь немногие критики; сборник не вызвал того интереса и признания, каким еще шесть лет назад были встречены "Версты 1" и "Ремесло". Из всех эмигрантских критиков один Марк Слоним отзывался в сборнике с нескрываемым восхищением.^{52/} Ходасевич упрекнул Цветаеву в постоянной смене стилей.^{53/} Советская пресса вообще не упомянула об этой книге. Ее никто не покупал. Несмотря на малый тираж, экземпляры сборника все еще пылились

на прилавках русских магазинов Парижа и Нью-Йорка в конце 30-х годов. Для того, чтобы как-то подработать, Цветаева раз-два в году выступала в Париже с чтением своих стихов. Эти выступления отнюдь не были столь успешными, как первое выступление в 1926 году. На заработанные деньги и с помощью своих друзей, Цветаева умудрялась проводить лето на берегу моря, обычно в Сен-Лизьер-Вн, где летом бывал Бальмонт, или в Див-сюр-Мер, который она переименовала в "Морское Диво". Лето было для нее самым активным творческим периодом, и большинство ее поэм написано в это время года.

У Цветаевой были ученики, среди которых — Николай Гронский. Когда они познакомились, ему было восемнадцать лет. Его отец был известным политическим деятелем, а мать — скульптором. Гронский увлекался альпинизмом, очень любил всякие путешествия, и в 1928 году сопровождал Цветаеву во время долгих прогулок по лесам Медона: "военная дружба в королевском лесу", как писала Цветаева позднее.^{54/} Летом этого же года, когда Цветаева отдыхала у моря, они часто писали друг другу. Но вскоре, как и большинство героев ее жизни, Гронский отдалился — к своим занятиям юриспруденцией и русской литературой, к альпинизму, к религии. Однако, за время короткой дружбы с Цветаевой, в молодом студенте проснулся поэт. Его ранние стихи, написанные в период расцвета их взаимоотношений, стилистически напоминают "После России". Два из них посвящены "М.Ц.", включая замечательное "Из глубины морей поднявшееся имя" (образность всего стиха основана на этимологии имени "Марина").^{55/} В более поздних произведениях Гронского встречаются эпиграфы из "После России", а в поэме о горах "Белладонна", которую Цветаева считала лучшей, влияние ее поэзии органично и оригинально совмещается с влиянием одического стиля Ломоносова и мистических стихотворений Влока. Но талант молодого поэта так и не развился: Гронский погиб в результате несчастного случая в метро, когда ему было всего двад-

цать пять лет. Два его стихотворения, обращенные к Цветаевой, отвечают на ее вызов, на те надежды, чувствуемые в "После России", которые она возлагала на Бахраха и в котором не нашла отклика.

О парадоксальности литературного и общественного положения Цветаевой в конце 20-х годов свидетельствует ряд событий осенью 1928 года. В апреле этого года она завершила работу над (...) поэмой "Красный бычок", которую в конце 1928 года напечатала "Воля России", а летом и осенью работала над поэмой "Перекоп" (основанной на военных дневниках мужа). (...) В это же время стихи Цветаевой регулярно появлялись в самой крупной парижской ежедневной газете "Последние новости", которую издавал историк и политический деятель П.Н.Милюков. Перепечатав несколько стихотворений из "Верст" и опубликовав некоторые ранее неиздававшиеся стихи (возможно, из сборника "Версты II")^{58/}, "Последние новости" начали печатать по частям сборник "Лебединый стан", посвященный гражданской войне, для которого ранее Цветаевой не удавалось найти издателя.^{59/} В конце октября в Париж приехал (...) Владимир Маяковский. Цветаева встречалась с ним и подарила ему экземпляр "После России" с надписью "Столь же быстрому, как и я. Париж, октябрь 1928 г."^{60/} Она ходила на его вечера поэзии; особое впечатление произвел на нее вечер в кафе "Вольтер", состоявшийся 7 ноября. Спустя несколько недель официальная газета евразийского движения напечатала высказывание Цветаевой о Маяковском.

"Двадцать восьмого апреля 1922 года накануне моего отъезда из России, рано утром, на совершенно пустом Кузнецком я встретила Маяковского.

"Ну-с, Маяковский, что же передать от Вас Европе?"

"Что правда - здесь".

Седьмого ноября, поздним вечером, выйдя из кафе "Вольтер", на вопрос:

"Что же скажете о России после чтения Маяковского?"

Не задумываясь ответила:

"Что сила - там". 61/

Под силой Цветаева несомненно подразумевала силу новой поэзии, которую в Советском Союзе представляли Маяковский, Мандельштам, Сельвинский, Тихонов; ту силу, которой так не хватало и старым и молодым русским поэтам, жившим за границей. Однако, часть эмигрантской прессы в Париже приняла ее заявление за восхваление советского строя. "Последние новости" сразу же прекратили печатать стихи из "Лебединого стана", и в течение последующих лет двух произведения Цветаевой в этой газете не появлялись. Чувство горькой иронии вызывает негодующее письмо Цветаевой Маяковскому, в котором она описывает этот случай, (...) 62/ Самый эгоцентричный из русских поэтов Маяковский обыкновенно оценивал своих современников по двум критериям: приверженности советскому строю и принадлежности к группе футуристов. Несмотря на сердечные личные взаимоотношения и на то, что Цветаева с давних пор была поклонницей и защитницей поэзии Маяковского, его официальные высказывания о Цветаевой были неизменно враждебны. 63/ Менее чем через год после парижской встречи, он отзывался о ее стихах с холодным презрением. Полемицируя на съезде пролетарских писателей с критиком-марксистом Горбачевым, видевшим ценность поэтических достижений Цветаевой, Маяковский в своем выступлении объединил Цветаеву в одну группу с Гумилевым и подытожил свое отношение к ней ее творчеству так: "Я считаю, что произведение, направленное против нас, не имеет права на существование, и наша задача заключается в том, чтобы максимально вскрыть его гнилость и не пользоваться им как примером для какого бы то ни было обучения". 64/ Это не помешало Маяковскому использовать (...) упомянутое письмо Цветаевой на своем юбилейном вечере в 1930 году.

Случай с Маяковским отражает то положение, в котором оказалась Цветаева к началу 30-х годов. Будучи защитницей романтического прошлого в политике, она оказалась

революционером в поэзии. Она осознала это в тот период, когда в русской литературе стал проявляться определенный консерватизм. (...). Белые офицеры, воспетые в "Перекопе", не понимали этой поэмы так же, как герой ее пражского романа предпочитал "Поэме конца" стихи Гумилева. Постепенно Цветаева начала понимать, что ее читатель — в России, тот читатель, который (...) способен оценить ритм Пастернака и образы Заболоцкого, и примет ее поэзию так, как не могли принять эмигранты. "Я уехала за границу в 1922 году, а мой читатель остался в России, куда мои стихи больше не доходят", — писала она Иваску в 1933 году. "Итак, здесь я — без читателей, в России — без книг".

Примечания к гл. II

1. "Поэзия революционной Москвы", изд. И. Эренбург. Берлин., 1922. В другой антологии "Портреты русских поэтов" (Берлин, 1922) кроме стихов Цветаевой содержалась статья Эренбурга о ней.
2. А. Белый. После разлуки. Берлин, 1922, стр. 123. О влиянии "Разлуки" на стиль книги Белого говорит В. Ходасевич: Книжки и люди. - "Возрождение", Париж, 31 мая 1924 г. Вариант стихотворения Белого "Марине Цветаевой" появился в "Эпохее", № 2, Берлин, 1922, стр. 11.
3. А. Троцкий. Литература и революция. Москва, 1923. Упомянув Цветаеву в своем шутовском рассуждении о женской религиозной поэзии (стр. 30), Троцкий показав тем самым, что не знал ее произведений, назвал ее просто как одну из самых известных поэтесс того времени.
4. Письма к Вахраху. "Мосты", V, стр. 317.
5. Более подробно о своих отношениях с Эренбургом Цветаева говорит в одном из писем к А. Вахраху ("Мосты", V, стр. 311) "Я ни на секунду не сомневалась в его благородстве, в его крайней доброте и сострадании". Думая о поездке в Берлин в июле 1923 года, она ни в коем случае не хотела останавливаться в той же гостинице, где жили Эренбург с женой (там же, стр. 313). Цветаева не встречалась с Эренбургом в свои частые наезды в Париж. Кваску она писала об Эренбурге в 1933 году: "... ни на мгновение я не считала его поэтом. Эренбург всем угождает, он - бесхребетен. Но циник не может быть поэтом". (Письма к Кваску, стр. 209). Дальнейшие взаимоотношения Цветаевой с Эренбургом описаны в главе V.
6. В двадцатые годы Цветаева считала Алексея Ремизова самым интересным из современных русских прозаиков. О своем преклонении перед ним Цветаева заявила в жур-

- наше "Своими путями" (1925, № 8). "Здесь, вне русского государства, есть не только самый живой из русских писателей, но живая сокровищница русской души и русской речи — это настолько очевидно, что и говорить неловко — я имел в виду Алексея Михайловича Ремизова... Он сделал больше, для сохранения России, чем все политики вместе взятые".
7. Прага — Смихов, Шведская улица, д.1373.
 8. Письма к Бахраху — "Мосты", У1, стр.325.
 9. В.Набоков. Другие берега. Нью-Йорк, 1954, с.242-243.
 10. После России, стр.30. Цикл из пяти стихотворений с посвящением "Моему чешскому другу Анне Антоновне Тесковой".
 11. После России, стр. 122-123. Сведения об этом эпизоде в жизни Цветаевой почерпнуты из книги Н.Еленева и "Писем к Бахраху" (Мосты, У1, стр. 332-340).
 12. Письма к Р.Гуль, стр. 176.
 13. Там же, стр. 186.
 14. Д.Горбов. Мертвая красота и живучее безобразие. — "Красная новь", 1926, УП, стр.244-245.
 15. Марина Цветаева. "Возрожденщина" — "Дни", 1925, 16 октября (Берлин).
 16. Мих. Осоргин. Поэт Марина Цветаева. "Последние новости", Париж, 1926, 21 янв.; (Даниил Рогинков?) Вечер Марины Цветаевой. "Дни", Париж, 1926, 6 февр. Помимо статьи в "Днях" краткие сообщения о вечере появились в номерах газет "Последние новости" и "Возрождение" за 6 февраля.
 17. "Гуль", Берлин, 1926, 12 февр. Описание вечера и успеха Цветаевой заканчивается предположением, что Цветаева еще не нашла свой подлинный поэтический голос, и что ее последние удачные стихи являются поиском более полного самовыражения. Статья подписана инициалами М.Г. и возможно принадлежит известному исследователю Пушкина Модесту Гофману, который в этот период иногда выступал в "Гуле", подписываясь полным именем, с резкой критикой новых явлений в русской поэзии.

19. Письма к Бахраху. "Искусство", 1, стр.312.
20. Елена Извольская. Тень на стенах. (О Цветаевой) "Опиту" №, Нью-Йорк, 1954, стр.153. Елена Извольская, дочь русского государственного деятеля и посла во Франции А.П. Извольского, переводчик стихов, автор книг и статей на религиозные темы. Сейчас она проживает в США.
21. Там же, стр. 155-156.
22. Пастернак. Проза 1915-1958, стр.46. Пастернак. Стихотворения и поэмы. М.-Л., 1965, стр.661.
23. Литературное наследство, т.70. М.,1963, стр.300.
24. Там же, стр.301-302.
25. Там же, стр. 307 и примечание 2 на стр. 308, в котором говорится, что неопубликованное письмо Пастернака в защиту Цветаевой (27 окт.1927 г.) находится в архиве Горького в Москве.
26. Письма к Иваску, стр.212.
27. П.Струве. Заметки писателя. "Возрождение", Париж, 1926, 6 мая, где о прозе Цветаевой написано "Ни к чему. Безнужно ибо бесприметно. Безнужно, ибо невнятно... бессодержательно, нет "сути"... Болезнь эта началась давно, едва ли не с Брюсова..."
28. Вунни отзывался о Цветаевой, как почти обо всех русских поэтах послесимволистского поколения, крайне неодобрительно. Вот типичный пример из его воспоминаний: "А как много еще было всяких патологических случаев (среди русских писателей)! Цветаева с ее бесконечным потоком безумных слов и звуков в стихах, которая кончила жизнь в петле после возвращения в советскую Россию". (И.Вунни. Воспоминания. Париж, 1950, стр.43). Цветаева посвятила свои воспоминания "Дом у старого Пимена" жене Вунни, называя ее по девичьей фамилии Верой Муромцевой.
29. О ненависти Зинаиды Гиппиус к поэзии Цветаевой упоминают Иваск ("Лебединый стан", стр.11) и В.Террапано (Проза Марины Цветаевой. "Новое русское слово", Нью-Йорк, 1954, 7 марта). М.В.Винник (цит.соч., стр.220)

приводит выдержку из письма, которое Гиппиус написала ему как одному из редакторов "Современных записок" в 1926 году: "Стихи Цветаевой, конечно, — дело редакционной коллегии, но помещать их на одной странице с моими несомненно является свидетельством плохого вкуса. Вы согласны?"

30. См. примечание 16.

31. Князь Д.Святополк-Ирский. Русская лирика. Париж, 1924, стр. XII, Предисловие, в котором содержится эти строки, датировано 6 августа 1923 года.

32. Мавольская. Тень на стенах, стр. 156.

33. Путешествие в Лондон упоминается в одном из писем к Кваску (Письма к Кваску, стр. 218). Точная дата путешествия (10-25 марта 1926 года) была установлена по неопубликованному письму Цветаевой князю Д.А. Шаховскому (ныне архиепископ Иоанн Сан-Францисский). По сведениям В.И. Кленовой Цветаева жила в Лондоне у общественной деятельницы и журналистки Ариадны Тирковой-Уильямс.

34. С.Э.О добровольчестве — "Современные записки", 1924, XX1, стр. 376-380. Эта статья подписана инициалами С.Э.; авторство Эфрона подтверждает редактор журнала М.В. Вишняк (цит.соч., стр. 145).

35. См. ответ Цветаевой на вопросы газеты "Возрождение", Париж, 1926, 1 янв. и 4 марта.

36. О евразийском движении смотри: Глеб Струве. Русская литература в изгнании. стр. 40-49, и Отто Вессе. Евразийское движение (Висбаден, 1961). Марина Цветаева была связана с этим движением только через мужа и некоторых друзей. Однако его идеи различны в стихотворных циклах "Ханский полон" из сборника "Гемесло" и "Скифские" и из "После России".

37. И. Струве. Отвратная ненужность — "Русская мысль", (Париж, 1927, стр. 62, без номера тома).

38. М.В. Вишняк, цит.соч., стр. 142-145.

39. И. Вукин. Версты — "Возрождение", Париж, 1926, Загг.

40. Антон Крайний (псевдоним Э. Гинниус). О "Верстах" и прочем - "Последние новости" (Париж, 1926, 14 авг.).
41. В. Айхенвальд. Литературные заметки. - "Гуль", Берлин, 1926, 5 мая.
42. Мих. Осоргин. Дядя и тетя. - "Последние новости", Париж, 1926, 29 апр.
43. На обращение Цветаевой с Адамовичем резко возразил Владимир Познер: Смигальчики и смигаемое. - "Дни", Берлин, 1926, 5 мая.
44. Г. Адамович. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955, стр. 154-157.
45. В оправдание жюри можно сказать, что в стихотворении "Старинное благоговение" содержится грамматический ляпсус - явление исключительное для поэзии Цветаевой: "У медных ног отдохновение / Перебирал струны лютни".
46. Козьмин, цит. соч., стр. 262.
47. Примером двойственного отношения Ходасевича-критика к поэзии Цветаевой в 20-х годах может служить его рецензия на "После России" ("Возрождение", Париж, 19 июня 1928 г.). Перефразируя строки из "Хвали богатым", он заявляет, что любит стихи Цветаевой. Затем, отметив несколько стихотворений, которые ему понравились, Ходасевич осуждает остальную часть сборника как неоформленный, сырой поэтический материал, оспаривает весь стиль и поэтику Цветаевой. Сопоставление стихов, которые Ходасевич считал законченными, с теми, которые ему представлялись неотреботанными, показывает, что у него не было строгих критериев. Более благожелательные ссылки на Цветаеву в его статьях 30-х годов основаны по-видимому на более глубоком знакомстве со стихами Цветаевой. Настороженное отношение Цветаевой к Ходасевичу в 20-е годы частично было основано на недопонимании: она считала, что стихотворение Ходасевича "Мил Бог! умел, а не заумен" (1923 г.) направлено против нее и Пастернака, тогда как на самом деле

в нем содержался протест против метабогического языка Кручених и Хлебникова (см. Письма к Бахраху.- "Мости", У, стр.316).

48. Письма к Иваску, стр.217.

49. В "Твоя смерть" есть загадочный намек на реальную или воображаемую встречу в некоей "Харчевне трех королей" в Савое ("Воля России", 1927, У-У1, стр.24). Е.Извольская ("Тень на стенах", стр.157) и Е.И.Кленева (в письме автору), которые были друзьями с Цветаевой в период ее переписки с Рильке, утверждают, что поэты никогда не встречались. В письме Иваску Цветаева говорит, что она встретила Рильке "в письмах, за полгода до его смерти" (Письма к Иваску, стр.222).

50. Райнер Мария Рильке. Письма из Мюзо, Лейпциг, 1936, стр.355. В лекции, прочитанной в Калифорнийском университете 30 апреля 1962 года профессор Гюнтер Виттрэнс сказал, что поэтесса, которую упоминает Рильке в письме Пастернаку,- Цветаева, и что возникновение переписки они обязаны Пастернаку. Если это верно, то их первоначальный контакт возник не раньше декабря 1925 года- января 1926 года.

51. Там же, стр.365, письмо Леониду Пастернаку.

52. Рецензия на "После России" в "Днях", Берлин, 17 июня, 1928 года.

53. См. рецензию Ходасевича, упомянутую выше. Позже А.Бем упрекал эмигрантскую критику за то, что они проглядели и недооценили "После России". (А.Бем. В защиту писателя. - "Руль", Берлин, 16 авг. 1931 г.).

54. Письма к Иваску, стр.222. В тех местах писем Цветаевой Иваску, которые касаются ее дружбы с Гронским, издатель сделал большие купюры.

55. И.П.Гронский. Стихи и поэмы. Париж, окт.1935 г., стр.16. Это стихотворение напечатано в искаженном виде варианте, который Цветаева приводит по памяти; полностью- в письмах Цветаевой к Иваску, стр.223.

56. "Воля России", XII, 1928, стр.35-38.
57. Стихи из "Верст 1" печатались в "Последних новостях" за 12, 22, 26 июля и за 18 октября 1928 г.
58. Шесть ранее неизвестных стихотворений (включая стихотворение Вячеславу Иванову), которые хронологически могли входить в неопубликованный сборник "Версты II" (1917-1921), появились 28 июня, 3 июля и 4 октября 1928 г.
59. Под общим заголовком "Из книги "Лебединый стан" "Последние новости" напечатаны стихи "Я эту книгу поручаю ватру" (25 окт), "Об ушедших, отошедших" (1 нояб.) и "Ночь-Норд-Ост.- Рев./ солдат.- Рев воли..." (8 нояб.). Письмо Цветаевой Маяковскому (см.сноску 62) поясняет, что дальнейшая публикация стихов была прервана из-за высказываний Цветаевой о Маяковском. Последнее стихотворение появилось на следующее утро после ее публичного заявления в кафе "Болштер". Утверждение Эренбурга, которое он сделал в своих воспоминаниях о том, будто эмигрантские издания рвались печатать "Лебединый стан", но им якобы не позволяла охваченная расклевыванием Цветаева- чистая выдумка. (...).
60. В.Катанян. Маяковский: литературная хроника. Москва, 1961, стр.488. Это посвящение- перефразированная строка из его стихотворения "Город". Книга с посвящением принадлежит сейчас Эльзе Трноле.
61. "Экспресс", Париж, 28 ноября 1928 г. Полностью перепечатано у Катаняна, цит. соч., стр.375.
62. Письмо Цветаевой Маяковскому от 3 дек. 1928 г., цитируется Катаняном, стр.375. Письмо находится в ЦГАЛИ в Москве.
63. В своей статье 1918 года "Братская могила" Маяковский упрекает Цветаеву за то, что она в одном из стихотворений упоминает "Раба божьего Николая". В своей статье "Подождем обвинять поэтов" (первоначально в "Красной нови", №4, М.-Л., 1926) он именует стихи Цветаевой "цыганщиной" и советует советским продав-

56. "Воля России", XII, 1928, стр.35-38.
57. Стихи из "Верст 1" печатались в "Последних новостях" за 12, 22, 26 июля и за 18 октября 1928 г.
58. Есть ранее неизвестных стихотворений (включая стихотворение Вячеславу Иванову), которые хронологически могли входить в неопубликованный сборник "Версты II" (1917-1921), появились 28 июня, 3 июля и 4 октября 1928 г.
59. Под общим заголовком "Из книги "Лебединый стан" "Последние новости" напечатали стихи "Я эту книгу поручаю ветру" (25 окт), "Об ушедших, отошедших" (1 нояб.) и "Ночь-Норд-Ост.- Рев, солдат.- Рев воли..." (8 нояб.). Письмо Цветаевой Маяковскому (см.сноску 62) поясняет, что дальнейшая публикация стихов была прервана из-за высказываний Цветаевой о Маяковском. Последнее стихотворение появилось на следующее утро после ее публичного заявления в кафе "Вольтер". Утверждение Эренбурга, которое он сделал в своих воспоминаниях о том, будто эмигрантские издания рвались печатать "Лебединый стан", но им якобы не позволяла схваченная расклянием Цветаева- чистая выдумка. (...).
60. В.Катанян. Маяковский: литературная хроника. Москва, 1961, стр.488. Это посвящение- перефразированная строка из его стихотворения "Город". Книга с посвящением принадлежит сейчас Эльзе Трноле.
61. "Евразия", Париж, 28 ноября 1928 г. Полностью перепечатано у Катаняна, цит. соч., стр.375.
62. Письмо Цветаевой Маяковскому от 3 дек. 1928 г., цитируется Катаняном, стр.375. Письмо находится в ЦГАЛИ в Москве.
63. В своей статье 1918 года "Братская могила" Маяковский упрекает Цветаеву за то, что она в одном из стихотворений упоминает "Раба божьего Николая". В своей статье "Подоконник обвиняет поэтов" (первоначально в "Красной нови", №4, М.-Л., 1926) он именует стихи Цветаевой "цыганщиной" и советует советским продав-

цам отговаривать комсомолок покупать ее книги, а предлагать взамен Сельвинского ("он, по крайней мере, мужчина") или, еще лучше, Асеева. (В. Маяковский. Полн. собр. соч. М., 1959, т. 12, стр. 10 и 79.

64. Там же, стр. 391.

19. ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ В ПАРИЖЕ

Последние десять лет, проведенные Цветаевой в Париже, представляют собой трагическую картину, соответствующую мрачному периоду европейской истории 1929-1939 годов. Изоляция Цветаевой все более углублялась, интерес к ее произведениям слабел, а материальные затруднения возрастали. Невозможно указать тот период в ее литературной деятельности, когда она перестала быть одним из ведущих представителей русской литературы за границей. Отчуждение от парижской литературной среды постепенно порождалось многими причинами, над большинством из которых она не была властна.

В начале этого десятилетия Цветаева занималась разнообразной литературной деятельностью. В 1929 году по поручению журнала "Воля России" она написала большую работу о жизни и творчестве художницы Натальи Гончаровой. Цветаева часто посещала собрания литературного объединения "Кочевье", которым руководил Мари Слоним. 25 мая 1929 года она выступила на вечере вместе с князем Сергеем Волконским, где прочла поэму "Перекон". Цветаева пыталась также установить связь с французскими литературными кругами. Когда Наталья Гончарова, сделавшая иллюстрации к поэме Цветаевой "Молодец", предложила, чтобы кто-нибудь перевел поэму на французский, Цветаева взялась сделать это сама. Неудовлетворенная результатом, она решила написать новую поэму на французском языке "*Le gars*" (на основе "Молодца"). Чтение этой поэмы в одном из парижских салонов закончилось полным провалом, и больше попыток в этом направлении не предпринималось. Борис Баррен намеревался опубликовать "*Le gars*" в "Revue Revue Française", но затем отказался от этой идеи. Никаких значимых результатов не дало и участие Цветаевой во франко-русской литературной дискуссии, которую организовало французское издание

"Кафе де ля кэнзэн" в 1929-1930 году. ^{1/}

В апреле 1930 года покинул с собой Владимир Маяковский. Два месяца спустя в русской литературной среде произошло резкое размежевание в мнениях по поводу некролога советского поэта, которое в грубом и пренебрежительном тоне написал А. Левинсон, эмигрантский критик, занимавшийся литературой и балетом. Некролог напечатала газета "Le Cuvier littéraire". ^{2/} На протест против статьи Левинсона, подписанный многими известными французскими и русскими писателями и художниками, ^{3/} 12 июля появился "встречный протест", в котором, в частности, говорилось: "Каковы бы ни были расхождения в оценке поэтического таланта Маяковского, мы, русские писатели, лучше иностранцев информированные о настоящем положении нашей литературы, утверждаем, что Маяковский никогда не был крупным русским поэтом." (...). Этот документ в числе других подписали Адамович, Алданов, Бунин, Гиппиус, Ходасевич, Кунрин, Мережковский, Мочульский, Владимир Набоков (как "Владимир Сирин"), Терапиано, Тэффи и Вейдле. ^{4/} Цветаева, как и следовало ожидать, не подписала ни один из протестов. Вместо этого, она выразила свое отношение к Маяковскому и его самоубийству в замечательном цикле из семи стихотворений "Маяковскому" ^{5/}, где она не только оплакивала и восхваляла поэта, но и негодовала на (...) прессу, воспринявшей смерть выдающегося русского поэта только с политической и пропагандистской точки зрения. Уничтожительное замечание насчет последователей Маякова, содержащееся в первом стихотворении цикла, должно быть, особенно не понравилось ее коллегам. В шестом стихотворении цикла — вероятно, в лучшем образце политической лирики Цветаевой — она описывает воображаемый диалог на небесах двух поэтов-самоубийц: Есенина и Маяковского. Цикл "Маяковскому" знаменует важное изменение интонации в лирической поэзии Цветаевой. В ней появляются новые, более резкие и намеренно грубоватые обороты. Сочетание иронии и сострадания

ярко передано в последней строке короткого сядьного стихотворения, где она перефразирует каноническую фразу из заупокойной мессы: "Упокой, Господи, душу усопшего врага Твоего" (заменяя традиционного "раба" на "врага"). В мае 1931 года Цветаева прочла этот цикл на литературном вечере, вместе с воспоминаниями о Мандельштаме; слушателей особенно поразило сходство ее манеры чтения с манерой самого Маяковского (она описала этот вечер в неопубликованном письме Саломее Гальперн от 31 мая 1931 года).

В мае 1932 года Цветаева с семьей переехала в более дешевую квартиру на окраине Клямара (ул. Кондорсе, дом 101). Сергей Эфрон все время болел и лечился в различных санаториях. Некоторые из друзей, оказывавших Цветаевой материальную помощь в конце 20-х годов, вынужденны были прекратить свои благодеяния, поскольку их экономическое положение тоже ухудшилось. В 1932 году "Воля России", основной журнал, печатавший произведения Цветаевой, перестал получать субсидии чешского правительства и прекратил существование. Из опубликованных писем Цветаевой к Г.П. Федотову и Иваску видно, что Цветаева жила в крайней нужде, на грани голода. Часто цитируемая фраза из письма к Иваску от 4 апреля 1933 года ("Дочь визкой шапочек зарабатывает пять франков в день, на них вчетвером (у меня сын 8-ми лет Георгий) живем, т.е. просто медленно подышаем с голоду") — лучшее свидетельство ее жизненных условий в этот период, не есть и другие. 20 декабря 1932 года Цветаева писала Федотову: "Я никуда не хожу и ни с кем не выжусь из-за совершенной бедности". В неопубликованном письме к Саломее Гальперн от 18 марта 1932 года есть строки: "В нашем доме голодно и холодно." Когда газета "Возрождение" захотела взять у Цветаевой интервью, Цветаева предпочла встретиться с корреспондентом газеты Надеждой Геродецкой на одном из парижских вокзалов, боясь, что в газете будет описано ее жилище.^{7/} Самый показательный случай упоминается в письме к Федотову и его жене, где Цветаева пишет, что не смогла придти к ним в гости, как

обещала, потому что, у ее туфель отвалились подметки. Проблема квартиплаты доставляла ей постоянные мучения; в марте 1933 года ее имущество собирались конфисковать. Неудивительно, что рассуждал о Достоевском (к которому она была довольно равнодушна) в письме к Еваску, Цветаева писала, что из всех героинь Достоевского ей ближе всего Катерина Ивановна Мармеладова "с ее палью, детьми, французскими словами. Это — я, дома, в будни, со своими детьми в советской России, в эмиграции, я в этой слишком действительной луже мыльно-грязной воды, которой стала моя жизнь после 1917 года и по которой я сузу и гроху".

После закрытия "Воли России" перед Цветаевой остро встала проблема публикаций. В 20-е годы Цветаева не только издавала отдельные книги, но и печаталась в таких журналах, как "Версты", "Властомеренный", "Воля России", где ее очень ценили. Редакторы этих изданий были умными людьми, понимавшими значительность ее произведений. В 30-х годах Цветаева печаталась главным образом в "Современных записках". Это был самый почтенный и продолжительный русский журнал, издававшийся за рубежом, но его отношение к Марине Цветаевой представляет черную страницу в его истории. После того, как в 1937 году были опубликованы письма Цветаевой к Еваску, содержавшие упреки в адрес редакторов "Современных записок" (особенно в адрес Вадима Руднева), другой редактор, Мари Вишняк, заявив в своей истории этого журнала, изданной в 1938 году, что жалобы Цветаевой совершенно необоснованы. ^{8/} Однако письма Цветаевой Г.И. Федотову (тоже видному сотруднику "Современных записок"), опубликованные три года спустя, открыли еще более печальную картину: Цветаева постоянно воевала с В. Рудневым, калечившим ее произведения. Мы благодарны "Современным запискам" за то, что в них появились важнейшие произведения Цветаевой, которые иначе остались бы неопубликованными, но не можем забыть, что одну из самых значительных работ Цветаевой об искусстве "Искусство при свете совести" Руднев сократил наполови-

ны 9/, что стихотворение, посвященное памяти Н. Гроно-
кого, было напечатано с купюрами 10/, и что некоторые ее
выдающиеся произведения 30-х годов журнал вообще отверг. 11/
В конце 20-х годов в Париже появилось новое поколе-
ние русских поэтов и прозаиков, которое недавно окрестили
"незамеченным поколением". 12/ В произведениях этих моло-
дых авторов звучало то, что сейчас принято называть "па-
рижской нотой" 13/ - метафизическая боль, отчаяние, экзис-
тенциальная тоска, которым сопутствовало пренебрежение
к форме и стилистике. "Парижская нота" соответствовала та-
лантам второстепенных молодых поэтов (Анатолий Штейгер,
Теранкино, Лидия Червинская), но приверженность к этому
течению погубила самого интересного поэта поколения Бори-
са Понявского, отказавшегося в последних стихотворениях
от выразительной образности и звуковой мелодичности, сос-
тавлявших основную силу его поэзии. Это было очень стран-
ное явление, когда второстепенные поэты и критики приня-
лись отвергать поэзию своих выдающихся современников - Па-
стернака, Ходасевича и Марии Цветаевой (о Мандельштаме
в Париже 30-х годов почти не вспоминали). О том, что к
Цветаевой молодые авторы относились без особого интереса,
свидетельствует их главный печатный орган, журнал "Числа".
В восьми толстых томах "Чисел", изданных с 1930 по 1934
год, можно найти лишь одно стихотворение и небольшую кри-
тическую статью, принадлежащие перу Цветаевой. 14/ Дру-
гой новый парижский литературный журнал "Встречи", изда-
вавшийся Г. Адамовичем и М. Кантором, проявил к Цветаевой
несомненное внимание, 15/ но журнал просуществовал всего
их полгода. Несмотря на то, что Цветаева не была автори-
тетной фигурой для молодых поэтов, объединившихся вокруг
"Чисел", она все еще являлась видным членом русской лите-
ратурной общины в Париже, и ее пригласили на вечер, орга-
низованный журналом "Числа" в марте 1933 года, где она
выступила во втором отделении вместе с такими поэтами
старшего поколения, как Бальмонт, Гиппиус и Мережковский.
16/ Журнал "Новый Град", занимавшийся религиозно-филосо-

софскими проблемами, поручил Цветаевой написать сравнительное исследование поэзии Пастернака и Маяковского, которое было напечатано в двух номерах за 1933 год. В письмах к Г.П. Федотову, одному из редакторов "Нового Града", Цветаева неоднократно благодарила его за "человечное редактирование" ее текста, признаваясь, что ни один редактор не относился к ней столь внимательно с тех пор, как перестала выходить "Воля России".

После того, как Святополк-Ирский уехал в 1932 году в Советский Союз (...), только проживавший в Tallinn поэт Юрий Иваск посвящал Цветаевой отдельные статьи.^{17/} Редкие упоминания о Цветаевой в советской прессе 30-х годов были враждебны в политическом аспекте, но авторы статей несомненно понимали значение ее достижений в поэзии.^{18/} В Париже единственным критиком, воздавшим должное Цветаевой, был Владислав Ходасевич^{19/} (изредка благожелательно высказывался Адамович). В основном же, в русских литературных кругах распространилось мнение, что Цветаева необычайно талантливая поэт, но слишком закрытый и непонятный, погибший из-за дурного влияния.^{20/} За пределами Парижа не все эмигрантские критики поддерживали легенду о закате Цветаевой. Исследователь литературы, критик А.А. Вен, проживавший в Праге, всегда с уважением и восторгом писал о Цветаевой в своих обзорах литературных новинок, которые печатались в начале 30-х годов в берлинской газете "Руль" и варшавской "Молве". Русские поэты и критики, обитавшие на Дальнем Востоке (Арсений Несмелов, Наталья Резникова), также считали Цветаеву одним из самых значительных русских поэтов XX века.

В 1933 году Юрий Иваск намеревался написать книгу о Марине Цветаевой.^{21/} Он сообщил ей об этом, и в течение последующих четырех лет, отвечая на умные вопросы Иваска, Цветаева рассказывала ему в письмах о своей жизни, литературных пристрастиях, текущих делах. Письма Цветаевой к Иваску, хранящиеся в библиотеке Гарвардского университета, являются основным, необычайно богатым ис-

точником сведений о ее жизни, творчестве, мировоззрении. В них содержатся также ценные комментарии к некоторым трудным поэмам Цветаевой, в частности, к "Чернулочкам" и "Тоске".

Несмотря на материальные трудности и болезни (в одном из писем к Иваску Цветаева говорит, что из-за недоедания у нее появились нарывы, которые она лечит в благотворительной клинике для русских безработных), несмотря на непонимание и пренебрежение критики, Цветаева продолжала писать. Новая трагическая нота ее поэзии наиболее сильно прозвучала в двух ее самых известных стихотворениях 30-х годов: "Роландов рог" и "Тоска по родине! Давно..." - крайними выражениями одиночества и независимости. ^{22/} Тема бездомности, тоски по России становится заметной у Цветаевой, у нее пробуждается порой интерес и сочувствие к событиям в СССР. ^{23/}

В творчестве Цветаевой 30-х годов заметен некоторый сдвиг в жанрах. Она не пишет больше пьес и поэм, но все чаще обращается к прозе. Постоянные размышления Цветаевой о взаимоотношениях этического и эстетического в искусстве привели ее наконец к решению написать на эту тему книгу. Часть задуманной книги была напечатана в "Современных записках" под названием "Искусство при свете совести" (в искаленном и сокращенном виде), другая статья "Поэт и время", затрагивавшая сходные проблемы, (возможно, часть этой же книги), появилась в последних номерах "Воли России". ^{24/} Третья статья, "Поэты с историей и поэты без истории", в которой Цветаева рассматривает последние произведения Пастернака и сравнивает их со стихотворениями Ахматовой, Блока и Мандельштама, не нашла издателя в Париже, и известна нам только в переводе на сербо-хорватский язык, опубликованном в посвященном русской культуре журнале "Русский Архив". ^{25/}

Другую часть прозаических произведений Цветаевой

возглавляют воспоминания о Максимиллиане Волошине "Живое о живом", напечатанное в "Современных записках". Наталья Резникова писала в своих мемуарах: "В воспоминаниях о Максимиллиане Волошине Марина Цветаева... достигает вершин художественной прозы. Кажется, что Цветаева преодолела все женские слабости, и сохранила только ту, что наиболее прекрасна в женщинах - нежность, понимание, верность прошлому и благородство." 26/

Так же, как за смертью Волошина в 1933 году последовало "Живое о живом", так за известием о смерти Андрея Белого в 1934 году последовал "Плениный дух", а за смертью Михаила Кузмина - в 1936 году "Нарзденный вечер". В конце 1934 года погиб, попав под поезд метро, Николай Гронский, и его стихи были изданы посмертно. Цветаева не поддерживала с Гронским в последний год его жизни близких отношений, но следила за творчеством поэта, считая его самым интересным из молодого поколения. Отец Гронского, который входил в редколлегию ильковской газеты "Последние новости", предложил Цветаевой написать для газеты статью о творчестве своего сына. 27/ Отношения Цветаевой с "Последними новостями" улучшились со времени инцидента с Маяковским 1928 года настолько, что газета начала печатать ее воспоминания "Вакня в плече" и "Сказка матери", хотя последнее произведение, к ужасу Цветаевой, появилось с сорока редакторскими исправлениями и купюрами. Статью о Гронском "Последние новости" сочли слишком длинной и попросили переработать ее в две более коротких. После того, как Цветаева выполнила это требование, редакторы три месяца задерживали публикацию, а затем решили вообще отказаться от нее. 28/ Вместо этого "Последние новости" предложили напечатать статью о Гронском, написанную своим постоянным литературным критиком Г. Адамовичем. Адамович, который ничего не знал о Гронском до его смерти, сочинил гладенький, поверхностный очерк, вызвавший негодование Цветаевой. 29/ Описывая этот случай Иваску, она имела полное право воскликнуть: "Надо мной зло на-

смеются, они играют моей гордостью, моей нуждой, моим бесправием (Защиты нет)". Цветаева высказала свое мнение о поэзии Гронского в публичном выступлении и в короткой заметке в "Современных записках", посвященной посмертному сборнику поэта. Ее большая статья о смерти Гронского и его стихотворении "Беладонна" — еще одно произведение Цветаевой 30-х годов, известное нам только в сербо-хорватском переводе. ^{30/}

Верность прошлому, о которой писала Наталья Резникова, не означала для Цветаевой только возвеличивание в прозе и поэзии памяти умерших писателей-друзей, таких как Волошин или Гронский. Эта верность выразилась в стараниях защитить Мандельштама от неверных характеристик (которые давали ему в своих мемуарах его бывшие друзья) и в поддержании дружеских отношений со старыми приятелями — князем Волконским и Вальмонтом, с которыми она встречалась в течение 30-х годов. Вальмонт, которому перевалило за шестьдесят, был всеми покинутым, одиоским человеком; с ним периодически случались психические расстройства, требовавшие его госпитализации. Цветаева помогла организовать празднование пятидесятой годовщины литературной деятельности Вальмонта, на котором произнесла поздравительную речь. ^{31/} Та же верность прошлому побудила Цветаеву рассказать о своем детстве и отрочестве в серии воспоминаний, появившихся в 30-х годах в "Современных записках" и "Встречах". Ее воспоминания о своей жизни и жизни других писателей служили темой одного или двух публичных выступлений.

В январе 1933 года Цветаева переехала в Кламар на улицу Лазара Карно, дом 10; в начале 1935 года снова переехала, на этот раз на окраину Ванва (улица Лана Батиста, дом 33). Она по-прежнему жила вместе с Сергеем Эфроном, с которым у нее сохранялись сердечные отношения. Но с 20-х годов они все больше отходили друг от друга, и к 1935 году каждый существовал обособленно, очень мало зная о деятельности другого. За этот период, пока Эфрон выздоравливал и возвращался в работоспособное состояние,

его политические взгляды претерпели значительные изменения, в результате чего он вступил в "Союз за возвращение в Россию", (...), официальной целью которой было облегчить эмигрантам возвращение на родину. Вскоре он стал одним из главных деятелей Союза. Дочь Цветаевой Аля, которая занималась живописью, разделяла убеждения отца. ^{32/}

Неопубликованные письма Цветаевой к приятельнице Саломее Гальперн многое открывают в тогдашних настроениях Цветаевой и ее мужа. В письме от 2 октября 1933 года мы читаем: "Сергей здесь, паспорта еще нет (очевидно Эфрон подавал прошение получить советский паспорт и получил отказ - С.К.), что меня радует, поскольку письма тех, кто уже вернулся (я сама провозжала их!), весьма красноречивы (...). Кроме того, я решительно не хочу ехать, а это значит разрыв, который, несмотря на все наши неурядицы, был бы труден после двадцати лет совместности. Причина, по которой я не еду, в том, что я уже однажды уехала. (Саломей, видели ли вы фильм "Я - беглый каторжник", в котором осужденный добровольно возвращается в тюрьму - каково!)". Полтора года спустя ситуация не меняется. "С.Я. (Сергей Яковлевич) разрывается между своей страной и своей семьей. Я твердо отказываюсь ехать, но подводить черту двадцатилетней совместности тяжело, даже если у тебя "новые идеи". Потому он разорван пополам" (6 апреля 1934 года). (...)

В июне 1935 года в Париже состоялся организованный коммунистами съезд писателей "В защиту культуры", на котором присутствовал Борис Пастернак. Наконец-то, после многолетней переписки, Цветаева и Пастернак смогли встретиться. Во время дебатов в зале они стояли в коридоре и Цветаева читала Пастернаку новые стихи. ^{33/} В своей автобиографии Пастернак рассказывает о том, как в эти дни он приходил к Цветаевой в дом, встречался с ее семьей, о том, что Цветаева спрашивала, стоит ли возвращаться в Советский Союз. "Члены ее семейства настаивали на том, чтобы она вернулась. Частично они объясняли свое желание тоской по родине, сочувствием коммунизму и Советскому Союзу, а

частично тем, что жизнь в Париже не соответствовала потребностям Цветаевой, что она растрачивала себя здесь без читателей. Цветаева спросила меня, что я думаю по этому поводу. У меня не было четкого мнения. Я не знал, что ей посоветовать и слишком опасался, что в нашей стране она и ее семья столкнутся с трудностями. Но трагедия семьи превзошла все мои опасения." ^{34/}

В начале лета 1936 года Цветаева получила книгу стихов от Анатолия Штейгера, одного из самых типичных русских поэтов "незамеченного поколения". Цветаева мельком видела его на одном из своих публичных выступлений, и была на дружеской ноге с его сестрой, поэтессой Аллой Головиной. Цветаева откликнулась письмом, которое нашло Штейгера в туберкулезном санатории в Швейцарии. Последовавшая переписка положила начало взаимоотношениям, о которых честно и с пониманием рассказывал друг Штейгера Кирилл Вильямовский. ^{35/} Поэзия Штейгера, весьма слабая, не очень заинтересовала Цветаеву, однако, она увидела в нем поэта, романтического странника, который ^{для} серьезно болен и молил о помощи и участии. По-видимому, ее привлекало то, что Штейгер — потомок восхищавшего ее исторического лица, ^{36/} а также то, что он принадлежит к враждебному литературному лагерю (Штейгер был близким другом Адамовича и поклонником поэзии Поплавского, которого Цветаева не любила). В одном из ранних писем Штейгеру она писала: "Годами — восемь лет, по-моему ^{37/} — я жила абсолютно равнодушной, то есть любила одного, другого или третьего, делала для них все, что могла, потому что кто-то должен делать, но не испытывала от этого ни радости, ни боли: когда они уезжают в Россию, я их провожаю, когда они приходят ко мне, я для них есть. Вы своим письмом разбили лед..."

Ее отношения со Штейгером во многом напоминают отношения с Вахрамом. В обоих случаях Цветаевой двигала потребность быть кому-то нужной. В августе и сентябре 1936 года Штейгер поправлялся после операции в бернской больнице, а Цветаева жила в Савое (Сен-Пьер-де-Ремин), недалеко от швейцарской границы. Она писала ему каждые несколько дней и одновременно писала о нем стихи, которые

поэме были опубликованы под общим названием "Стихи сироте"
34/. В последнем стихотворении цикла тема потребности
друг в друге звучит в откровенно радостном ключе:

"Наконец-то встретила
Надобного - мне:
У кого-то смертная
Надоба - во мне".

Но Штейгеру Цветаева была нужна недолго. Как ясно
из его стихов, все сильные увлечения Штейгера были связаны
с мужчинами. По натуре он был одинокий, независимый чело-
век (Вильчковский говорит о "жаждой независимости" Штей-
гера), и властное чувство Цветаевой в конце концов его
испугало. Когда Штейгер несколько поправился, он дал Цве-
таевой понять ее ошибку. В течение лета 1936 года пере-
писка со Штейгером была главным событием в жизни Цветае-
вой. Сохранилось двадцать семь восторженных и умных пи-
сем (из которых только часть опубликована), 39/ и цикл
из шести стихотворений, которому Цветаева предпослала
иронический эпиграф: "Шел по улице малютка/ Посинел весь
дрожа/ Вла дорогой той старушка/ Показала сироту..." 40/
Хотя их переписка прекратилась, Цветаева все еще беспо-
коилась о Штейгере (в письмах к Иваску, написанных следу-
ющей зимой, она просит его встретиться со Штейгером и
помочь ему), однако отзывалась о нем с нескрываемым разо-
чарованием. Она снова вернулась к привычной закинутости,
к литературной работе.

Для Цветаевой центром русской литературы был Пушкин,
жизнь и произведения которого стали темой нескольких сти-
хотворений, написанных в июле 1931 года, и многих отсту-
плений в "Наташе Гончаровой". В 1937 году, когда испол-
нилось сто лет со дня смерти Пушкина, она написала вос-
поминания, озаглавленные "Мой Пушкин" (вероятно последний
отзвук ссоры Цветаевой с Валерием Брюсовым, поскольку
так же был назван сборник Брюсова, изданный посмертно
в 1929 году), одну из своих лучших статей "Пушкин и Пуга-

чев", в которой анализирует отношение Пушкина к Пугачеву в художественной прозе ("Капитанская дочка") и в историческом исследовании ("История пугачевского бунта"), и цикл стихов, часть из которых была написана ранее. ^{41/}

В начале 1937 года дочь Цветаевой Ариадна Эфрон добровольно вернулась в Россию. Она поселилась в Москве и стала работать иллюстратором. В одном из первых писем она сообщила, что близкая подруга матери Сонечка Холлидей, от которой Цветаева не имела вестей со времени своего отъезда из России, несколько лет тому назад умерла от рака. Это известие напомнило Цветаевой жизнь в голодной и холодной Москве в 1918-1919 годах, дружбу с Павлом Антокольским и молодым актером Володей А. (Владимир Алексеев?), увлечение Эрием Завадским. Летом, на берегу моря, Цветаева написала воспоминания об этом времени скудных напайков и сильных чувств. "Повесть о Сонечке" рисует не только портрет самой Сонечки, но и все неустроенное существование Цветаевой в послереволюционные годы, с его смесью нужды и творческой активности. Особенно впечатляет образ Володи А., который отказывается от актерской карьеры в Москве и уезжает в Крым, чтобы вступить в Белую армию и погибнуть. Образ этого самоотверженного и героического человека Цветаева создала в тот период, когда сама всерьез размышляла о возвращении в Россию. (...).

Среди редакторов "Современных записок", в которых появлялись произведения Цветаевой, самые лучшие отношения сложились с М.И.Бунаковым-Фондаминским (1880-1942). Владимир Иабоков писал, что он был "самоотверженной и героической личностью, который сделал для русской эмигрантской литературы больше, чем кто-нибудь другой, и который умер в немецкой тюрьме". ^{42/} Именно Бунаков-Фондаминский предпринял издание серии "Русские поэты", в который должен был войти том стихов Цветаевой (этому помешал отъезд Цветаевой из Парижа, а потом война). Кроме того, он создал для Цветаевой исключительное положение в новом журнале "Русские записки", который помогал издавать. Однако,

после третьего номера "Русских записок" редакторскую работу Бунакова-Фондаминского стал исполнять И.И. Милохов, в результате чего обещанное продолжение "Повести о Сонечке", предназначенное для четвертого номера, напечатано не было, и вообще произведения Цветаевой в этом журнале больше не появлялись. ^{43/} (...).

Однако, на этот раз им, очевидно, двигали и другие причины. К концу 1937 года положение Марины Цветаевой в Париже и ее отношения с эмигрантским обществом приняли ужасающий оборот из-за политической деятельности Сергея Эфрона.

(...)

(...)

Цветаева оставалась во Франции до лета 1939 года. Именно к этим восемнадцати месяцам применимо замечание Владимира Маркова "Цветаева - на совести Парижа" (имея в виду русскую часть Парижа) во всем его литературном и человеческом смысле.

(...) Эмигрантская пресса непрерывно писала о деятельности Сергея Эфрона, о которой Цветаева не знала и которую не понимала. (...) Русские соседи Цветаевой зинудили ее покинуть Ванв, и она переехала в дешевую гостиницу (бульвар Пастер, дом 13).

13 октября 1937 года она присутствовала на отпевании князя Сергея Волконского. Цветаева не выступала больше с чтением своих стихов (последнее выступление состоялось в марте 1937 года), а последним из опубликованных ее произведений был цикл "Стихи сироте" ("Современные записки" за 1936 год). После этого она подвергалась бойкоту русских литературных кругов в Париже. В последнем разговоре с Федотовой в 1938 году Цветаева сказала, что ей придется вернуться в Россию, потому что в Париже ее больше не печатают. В конце того же года посетивший Париж Юрий Иваск спросил одного известного молодого русского писателя, почему он не видит с Цветаевой, и тот

ответил: "О, в этом нет необходимости, и вообще к ней никто не ходит." ^{47/} Сам Иваск встретился с Цветаевой, и она ему сказала, что собирается уехать в Советский Союз, где она не надеется печататься и предполагает зарабатывать переводами.

Весной 1938 года деятельность русской общины весьма оживилась. Недавно созданный русский театр поставил новые пьесы Алданова, Берберовой, Владимира Набокова. В апреле был дан, устроенный русскими писателями, бал, который посетили многие известные деятели культуры литературы. ^{48/} В мае состоялся "Вечер современной поэзии", где выступали русские поэты самых разных калибров. ^{49/} Имя Цветаевой отсутствовало на всех афишах собраний. В это время она находилась на берегу моря в Дав-сюр-Мер, перерабатывая свои ранние стихи. Мы не располагаем достаточными сведениями, чтобы обрисовать состояние и настроение Цветаевой в этот период. Ее окончательное решение предопределила забота о будущем своего сына. В различных воспоминаниях Георгий Эфрон описывается рослым, капризным мальчиком, который не был так близок матери, как некогда была его старшая сестра. Согласно воспоминаниям профессора Иваска, четырнадцатилетний Георгий или Мур, как его обычно звали, упрямившая мать уехать в Советский Союз, жалуюсь на то, что не может найти общий язык с французскими мальчишками из-за своих политических взглядов. В разговоре, который упоминает Федотова, Цветаву очень волновало положение сына. Е.Изволинская ("Тень на стенах", стр.154) также выдвигает предположение, что Цветаева вернулась в Россию из-за сына. В этом свете мы можем понять проникательное утверждение Пастернака о том, что Цветаева всю свою жизнь пряталась от быта за творчеством, пока, наконец, "ей не стало ясно, что это непростительная роскошь, и что ради сына она должна временно пожертвовать своей всепоглощающей страстью и трезво взглянуть на вещи." ^{50/}

Вторжение политики и насилья в жизнь Цветаевой заставило ее поразмыслить о мире, в котором она жила. Граждане

ская война в Испании, оккупация Чехословакии, милитаризация Германии приводили Цветаеву в смятение и ужас. С той же поэтической силой, что и в стихах, написанных в период гражданской войны в России, Цветаева выразила свой протест против оккупации Чехословакии. Два стихотворных цикла, созданных в сентябре 1938 года и в марте 1939 года, написаны с яростью и страстью, блестяще и точно, с большим человеческим участием. Эти циклы свидетельствуют о том, что мастерство Цветаевой-поэта не подточили самые трудные испытания. В стихотворении, начинающемся "О слезы на глазах!" (15 марта - 11 мая 1938 года), чувство отчаяния выражено сильнее, чем в каком-либо из ее предыдущих произведений. Стихотворение перефразирует известную формулу Шкелера-Достоевского ("Пора-пора-пора/Творцу вернуть билет) и заканчивается следующим обращением к Богу:

"На Твоей безумный мир
Ответ один - отказ".

Находясь в Давос-сег-Мер весной 1938 года, Цветаева подготовила чистовые рукописи произведений, (...) -сборник "Лебединый стан" и поэма "Перекоп"- которые снабдила новыми комментариями. Незадолго до отъезда в Советский Союз она отдала эти рукописи в библиотеку Базельского университета с запиской, в которой выражала надежду, что эти произведения когда-нибудь опубликуют и просила напечатать их по дореволюционной русской орфографии. 52/

В Хоктенской библиотеке в Гарварде хранится письмо, которое Марина Цветаева написала супругам Вегенгардт (по-видимому, друзьям Сергея Ефрона), датированное 7 июля 1939 года. В этом письме она пишет, что ей жаль покидать Париж. Из письма видно, что она скучала по мужу. Отъезд Цветаевой был весьма печален. Когда о ее намерении уже стало известно, Цветаева встретила на улице сестру Итейгера Аллу Геловину. На вопрос об отъезде Цветаева ответила коротким импровизированным стихотворением, в кото-

рем сравнивала себя с Марией Стюарт: "Дано мне прощание Марии Стюарт". Одно из последних появлений Марины Цветаевой среди своих парижских соотечественников описывает Юрий Терапиано, рассказ которого звучит как покаяние писателей его поколения: "Сейчас, когда думаешь о судьбе Цветаевой, о ее смерти, приходишь в полное замешательство: почему мы не уберегли ее от такого крайнего отчаяния, почему равнодушно смотрели, как она уезжает? За несколько дней до отъезда Цветаевой князь Ширинский-Шихматов (погибший позже в немецком концлагере) устроил литературный вечер. Среди присутствующих была Цветаева с сыном; она держалась в стороне, почти ни с кем не говорила и почти никто не говорил с ней. Она уезжает — пускай! Кому до этого дело?" 53/

Вскоре Марина Цветаева с сыном Георгием уехала из Франции в Советский Союз. 54/ (...)

Примечания к главе IV.

1. Следующие номера "Кафе де ла конзэн" (Париж):
"Встречи" том 20, специальный выпуск (без номера),
1930, стр.10, 87, 147, 212; "Полю Вальери", том 21,
№ 2, 1931, стр.76; "Марсель Пруст", том 20, №5 (1930),
стр. 50-51.
2. Андре Левинсон. Поэзия в Советском Союзе: самоубийство
Маяковского.- "Ле нувель литтерэр". Париж, 31 мая
1930.
3. Письмо протеста, там же, 14 июня 1930 г. Свои подпи-
си поставили писатели Андре Матье, Блез Сандрар,
Эренбург, Владимир Познер, Илья Зданевич, художники
Пикассо, Фернан Леже, Наталья Гончарова, Ларионов,
Терешкович и Врий Анненков. См. также Катанян, цит.
соч., стр.447.
4. Вокруг Маяковского.- "Ле нувель литтерэр", Париж,
12 июля 1930 г. Примером крайнего накала страстей
вокруг статьи может служить стычка между Левинсоном
и Луи Арагоном ("Последние новости", Париж, 12 июля
1930 г.).
5. Написано в августе 1930 года, опубликовано в "Воле
России", XI-XII, 1930 г., стр.964-971.
6. _____
7. Н.Городецкая. В гостях у М.И.Цветаевой.- "Возрожде-
ние", Париж, 7марта 1931 года.
8. М.Вишняк, цит., соч., стр. 417.
9. Письма к Иваску, стр. 214.
10. "Избранное", примечание на стр. 294. Редакторы "Из-
бранного", восстановив "антиклерикальную" строфу,
выпущенную в "Современных записках", исключили на-
чало и конец стихотворения и напечатали только се-
редину.
11. Т.е. цикл ее стихотворений памяти Володина (см.
Письма к Федотову, стр. 167). Замечательную "Оду

пешему ходу", опубликованную впервые в "Избранном", "Современные записки" отвергли в 1934 году как "непонятное рядовому читателю" (Письма к Иваску, стр. 217). Из "живого о живом", опубликованного в "Современных записках" и переизданного в "Прозе", удалены несколько страниц, посвященных Пра (матери Володина), которые есть в рукописи Базельского университета.

12. В книге В.С. Варшавского. "Незамеченное поколение" (Нью-Йорк, 1956 г.), в которой рассматривается творчество этих авторов.
13. О "парижской ноте" см. Г. Адамович. Поэзия в эмиграции - "Опыты", 18, 1955, стр. 45-61 и статьи Владимира Маркова и Н. Верберовой в "Мостах", 1, Мюнхен, 1958, стр. 174-178 и 179-180. В. Набоков высмеивает это явление в "Память, говори" (Нью-Йорк) стр. 213-214.
14. "Два лесных царя" - "Числа" X, 1934, стр. 212-216; "Нереида" - "Числа", II-III, 1930, стр. 5-7. На страницах "Чисел" творчество Цветаевой не обсуждалось.
15. "Встречи" напечатали воспоминания Цветаевой "Открытие музея", "Хлыстовики" и часть стихов из цикла "
16. Первая часть программы была посвящена молодым поэтам: Ладинскому, Поплавскому, Кнуту, Червинской. "Последние новости". Париж, 16 марта 1933; "Числа", IX, 1933, стр. 193.
17. Юрий Иваск. Цветаева - "Новь", XI, Таллин, 1934, стр. 64-66; Юрий Иваск. Попытка наметить тему. - "Меч", Варшава, 8 марта 1936 г.
18. К. Зелинский. Критические письма. II, Москва, 1934, стр. 147.
19. В газете "Возрождение" Ходасевич регулярно писал о тех, работах Цветаевой, которые появлялись в "Современных записках". К ее поэзии в 30-е годы он относился несравненно лучше, чем в 20-е (см. В. Ходасевич. Книжки и люди. - "Возрождение", Париж, 6 апреля 1933г) Ее проза 30-х годов вызывала у него только восхищение.

20. Эту точку зрения Георгий Адамович снова пытался утверждать в книге "Одиночество и свобода" (Нью-Йорк, 1955), где писал: "Она пыталась подражать Пастернаку и погубила собственный талант". Адамович перечисляет стилистические особенности Цветаевой, которые он приписывает влиянию Пастернака. Это положение несостоятельно хронологически, поскольку указанные особенности ее стиля появились в "Лебедином стане", "На красном коне" и "Ремесле", которые были написаны до того, как Цветаева познакомилась (в 1922 году) с поэзией Пастернака.
21. Юрий Иваск. Цветаева. Примечание на стр. 61. По свидетельству автора, ныне профессора Вашингтонского университета, книга так и не была закончена, и ее рукопись потерялась.
22. Избранное, стр. 199 и 206-207.
23. Там же. "Стихи к сыну", стр. 192-196; "Челюскинцы", стр. 208-209.
24. "Воля России" 1-й, 1932, стр. 3-22.
25. Поэты с историей и поэты без истории. - "Русский архив", XXVI-XXVII, Белград, 1934, стр. 104-142.
26. Н.Р. (Наталья Резникова). Книжные новинки. - "Рубеж", № 26, Харбин, 1933, стр. 24.
27. Письма к Иваску, стр. 223-224.
28. Там же, стр. 224.
29. Г. Адамович. Н.П. Громский. - "Последние новости", Париж, 9 декабря 1934 г.
30. Поэт-альпинист. - "Русский архив", XXXII-XXXIII, Белград, 1935, стр. 62-88.
31. Торжество состоялось 24 апреля 1936 года. Речь Цветаевой о Бальмонте была опубликована только в переводе на сербо-хорватский (Речь о Бальмонте - "Русский архив", XXXVI-XXXVII, Белград, 1936, стр. 58-67).
32. Согласно сведениям Ф. Кубки, в середине 30-х годов Ариадна Эфрон стала сотрудницей французской коммунистической газеты. Кубка утверждает также, что связи

- Сергея Эфрона с "Союзом возвращенцев" установились в 1932 году.
33. Эренбург. Люди, годы, жизнь. - "Новый мир", 19, 1962, стр. 48.
34. Пастернак. Проза 1915-1938, стр. 46-47.
35. Кирилл Вальчковский. Переписка Марины Цветаевой с Анатолием Штейгером. - "Опыты", 9, Нью-Йорк, 1955, стр. 40-45.
36. Николаус Фридрих фон Штейгер (1729-1799), предводитель консервативного крыла швейцарских эмигрантов во время французской революции. Цветаева явно не понимала личность Штейгера и природу его дарования, когда предложила ему написать поэму о своем воинственном предке (Письма к Штейгеру - "Опыты", 9, Нью-Йорк, 1955, стр. 48-49).
37. Т.е. после "военной дружбы" с Николаем Гронским в 1928 году.
38. Первоначально опубликованы в "Современных записках", XVI, 1938, стр. 188-191 и включены в "Избранное", стр. 221-226, в обоих случаях без каких-либо упоминаний о Штейгере.
39. Из двадцати семи писем Цветаевой к Штейгеру семья Штейгера разрешила опубликовать только семнадцать. Десять появились в "Опытах", 9, 1955, стр. 45-67, два в "Опытах", 10, 1956, стр. 8-18 и одно в "Опытах", 11, 1957, стр. 21-26. Копии четырех остальных писем находятся у профессора Иваска. В опубликованных письмах семья Штейгера сделала купюры.
40. Цветаева была на четырнадцать лет старше Штейгера (1907-1944).
41. "Современные записки", XVI, стр. 172-176 и XVII, стр. 173-174. Как видно из датировки в "Избранном", некоторые из "Стихов к Пушкину", напечатанные в этих двух номерах, были написаны еще в 1931 году.
42. "Память, говори", стр. 216. В русском варианте этой книги Набоков назвал Бунакова-Фондаминского "самым человечным человеком" ("Другие берега", стр. 242).

43. Первая часть "Повести о Сонечке" была опубликована в "Русских записках", II, 1938, стр. 36-103. Полную рукопись этого произведения Цветаева поместила в библиотеку Базельского университета перед отъездом в Советский Союз.
- 44 - 45 (...)
46. Владимир Марков. Заметки на полях. - "Опыты", У1 (1956), стр. 62. Ту же мысль драматично выразила З. Наховская: "Марина Цветаева осталась одна на один с эмиграцией, которая ничего не прощает и не забывает" (там же, стр. 14).
47. Юрий Иваск. О читателях Цветаевой. - "Новое русское слово", 30 июня 1957 г.
48. "Последние новости", Париж, 2 апреля 1938 г.
49. Там же, 10 мая 1938 г.
50. Пастернак. Проза 1915-1958, стр. 38.
51. Избранное, стр. 227-242. Первый из двух циклов ("Сентябрь") еще не опубликован целиком.
52. Лебединный стан, стр. 4 (Предисловие Глеба Струве).
53. В. Гераскино. Проза Марины Цветаевой. - "Новое русское слово", 7 марта 1954 г.
54. Сопоставляя сведения Ф. Кубки (цит. соч., стр. 24) Е. Н. Федотовой и З. Наховской, можно установить, что Цветаева доехала морем до Гавра до какого-то польского порта (Гдиня?), и оттуда поездом в Москву через Варшаву. Свидетельство Кубки, будто она отправилась из Гавра в июне 1939 года, опровергает письмо Богенгардтам, написанное в Париже, в июле 1939 года.
- 55, 56 (...)